

МАРИНА БАРИНОВА

КРИАСМОРСКИЙ ДОГОВОР
ПЛАТА
ЗА ВЕРНОСТЬ

Криасморский договор

Марина Баринова

**Криасморский договор.
Плата за верность**

«1С-Паблишинг»

2022

Баринова М.

Криасморский договор. Плата за верность / М. Баринова — «1С-Публишинг», 2022 — (Криасморский договор)

Власть часто вынуждает тех, кто обличён ею, совершать неблагоприятные поступки. Власть меняет человека или заставляет его проявить своё истинное лицо. В империи, где за власть борются духовенство и маги, умирает бездетный правитель, а его вдова странным образом исчезает. Это вызывает массу интриг вокруг возможных претендентов на престол. Лорд Демос, которому поручили поиски исчезнувшей супруги покойного императора, и герцог Грегор Волдхард, ради любви вступающий в борьбу за трон, оказываются втянуты в опасную игру, в которой они всего лишь разменные фигуры на шахматной доске. Каждый из героев стремится всеми силами выжить и готов на временный союз с кем угодно. Но, доверившись наспех, легко обмануться, а расплатой за легковерие может стать смерть.

Содержание

Пролог	5
1 глава	7
1.1 Эллисдор	7
1.2 Миссолен	9
1.3 Эллисдор	11
1.4 Миссолен	17
1.5 Эллисдор	21
2 глава	23
2.1 Эллисдор	23
2.2 Луброк	27
2.3 Миссолен	33
2.4 Луброк	39
3 глава	42
3.1 Рантай-Толл	42
3.2 Эллисдор	48
3.3 Рантай-Толл	52
3.4 Миссолен	55
3.5 Рантай-Толл	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Марина Барина

Криасморский договор. Плата за верность

Пролог

Ветер с Лутинского моря хлестал многострадальные стены Бениза. Сизые тучи распухли настолько, что днем стало темно как ночью. Город, раскинувшийся в устье великой реки Ори, готовился встретить очередную бурю.

– Вовремя она добралась, – Великий наставник Ладарий плотнее завернулся в мех и с опаской взглянул на порт. – Еще немного – и шторм раскидает все посудины.

– Воистину, ваше святейшество, – отозвался брат Ласий. Идеальная лысина монаха тускло отразила свечное пламя. – Подкинуть дров?

– Да, пожалуйста.

– Знай я, что в Бенизе будет такая погода, ни за что не назначил бы здесь встречу, – добавил главный церковник. – Или таким образом бог подал знак, что наша затея – дурное дело?

– Уже поздно переигрывать, ваше святейшество. – Ласий подвернул за пояс часть сюрко с эмблемой церковной Коллегии особых положений, чтобы не мешало, и занялся камином. – Наша гостья вот-вот прибудет.

– Скорее бы.

Наконец, в коридоре послышались шаги. Великий наставник поймал себя на мысли, что с нетерпением ждал этой встречи. Сколько они не виделись? Три года? Четыре? Тогда она еще не приняла постриг – это Ладарий помнил точно. Помнил ее траурное платье, первые серебристые пряди среди тьмы волос, печальные глаза... Глаза человека, обреченного жить чужой жизнью. Однако с тех пор многое изменилось. Он жаждал этой встречи, но в той же мере и страшился ее. Ибо, став сестрой церкви, эта женщина взяла имя святой, что принесла величайшую жертву во имя Хранителя.

– Сестра Идонея прибыла, – проговорили из-за двери.

Ладарий кивнул:

– Впустите. Брат Ласий, – он перевел взгляд на дознавателя, – пусть нам...

– Никто не помешает, – ответил тот и открыл дверь, встречая гостью. Как только она вошла, яйцеголовый монах скрылся в коридоре.

Великий наставник затаил дыхание, вспоминая годы дружбы и близости. Многое хотелось сказать, но не при таких обстоятельствах. Не сейчас, когда он собирался просить ее о такой жертве. Тем временем монахиня развязала тесемки промокшего плаща, откинула капюшон и уставилась на церковника немигающим взглядом темных таллонидских глаз.

– Вивиана.

– Теперь – Идонея, – поправила она. – Ты постарел.

– Не могу сказать того же о тебе. Ты всегда была жемчужиной в короне Таллонидов, – Великий наставник обвел рукой монашеское одеяние гостьи. – Рад, что Хранитель наконец-то дал этой жемчужине подходящую оправу.

– Да, на старости лет, – печально усмехнулась женщина. – Маргий не позволял, даже после того, как умер лорд Рольф. И лишь когда брат умер, я наконец-то освободилась.

Великий наставник жестом пригласил гостью занять место у камина и предложил вина. Идонея кивнула.

– И каково тебе в Агаране в новой ипостаси? – разливая напиток по бокалам, спросил Ладарий.

– Мало что изменилось. Я и до этого вела почти монастырскую жизнь. Получается неплохо. Говорят, через какое-то время меня даже могут избрать новой настоятельницей. Но мне это не нужно, – сестра Идонея приняла протянутую ей чашу и на миг дольше позволенного задержала пальцы у руки церковника. – Я могу послужить богу иначе. Именно поэтому я здесь.

– Верно, – Ладарий крикнул, развалившись в кресле, вытянул ноги к огню и обратил взор на сестру покойного императора. – Как мать Грегора Волдхарда, лишь ты можешь нам помочь. Мальчишку пора спасать, пока он окончательно не наломал дров.

– Значит, слухи правдивы? – сделав глоток, монахиня поставила чашу на столик. – Грегор действительно впал в безумие после той трагедии?

– Грозная свадьба – так в народе окрестили те события, – кивнул Великий наставник. – Случилось нечто поистине ужасное. Ужасное настолько, что сотворить подобное под силу лишь госуду нашему. Хранитель предостерег твоего сына, дал суровое наказание. Но Грегор не внял гласу божьему. И я боюсь, что дальше он совершит куда худшие ошибки, которые будут стоить мира всему материку.

Сестра Идонея помрачнела.

– Не знаю, смогу ли помочь, святой отец. Мы с Грегором никогда не были близки, и в этом виновата я сама, – снова взявшись за кубок, монахиня продолжила рассказ, глядя на пламя. – Лотар, первенец, был так похож на меня, что почти ничего хайлигландского в нем не было. Я отдала ему всю любовь, что так долго копила в себе, но не смогла защитить от гибели. Грегор же пошел в отца. До такой степени, что и внешне, и нравом стал полной копией Рольфа. Я понимала, что он в такой же степени мой, что должна была его любить, но его сходство с человеком, которого я ненавидела... – голос монахини сорвался. Она со стуком поставила чашу на столик, резко встала и подошла к окну. Ладарий понял, что она стыдилась слез. – Мой дух был слаб, и я не смогла принять Грегора. Он чувствовал, что я в нем не нуждалась, и вскоре сам перестал нуждаться во мне. Мы давно стали чужими, святой отец. Я сделаю все, что смогу, но не могу обещать успеха.

Ладарий поднялся, подошел к гостье и легко тронул за плечо – единственное, что мог позволить себе как давний духовник леди Вивианы Волдхард. Монахиня отрешенно взирала на разыгравшуюся бурю.

– Не сбрасывай себя со счетов слишком рано, – тихо сказал Великий наставник. – Твой сын лишился любимой женщины и отправил в чужую страну родную сестру. У него не осталось никого, кроме тебя. Быть может, именно тебе суждено вернуть Грегора в лоно нашей святой церкви. Хранитель всегда с тобой, сестра Идонея. В конце концов, не зря же бог осуществил твою мечту стать монахиней именно сейчас?

– Возможно, – глухо отозвалась женщина. – Хранитель не пошлет испытаний, которые его дети не могут вынести.

Ладарий стянул с плеч меховую накидку.

– Отправляйся в Хайлигланд, посмотри на все своими глазами, добейся встречи с сыном. Поговори с ним, с его подданными, праведниками и еретиками. Быть может, твой сын просто обезумел от скорби и нуждается в утешении. Быть может, и правда сошел с ума – поговаривают, что в ту ночь прямо в герцога ударила молния, и он выжил, но изменился навеки. Одно я знаю точно: рядом с ним есть опасные люди, которые отравляют его разум. Стань же той, что прольет на него целебный бальзам. А это, – Ладарий вложил меховую накидку в руки монахине, – точно пригодится тебе в суровом краю.

– Но если у меня не получится?

Великий наставник отвел глаза.

– Тогда мы точно будем знать, что сделали все возможное, чтобы уберечь этого прекрасного юношу, – сказал он. – Тогда он понесет наказание. Тогда совесть не будет мучить ни тебя, ни меня, ибо мы будем знать – так пожелал бог.

1 глава

1.1 Эллисдор

Веззам бежал по внутреннему двору Эллисдорского замка, точно ужаленный. Ноги скользили по грязи, куры возмущенно квохтали вслед, а напуганные слуги шарахались в стороны от взволнованного наемника-ваганийца. Веззаму не было до них дела: все его мысли сосредоточились на клочке бумаги, который он судорожно сжимал в руках.

Быть может, это письмо спасет их всех.

Он торопливо обогнул кузницу, проигнорировав любопытные взгляды подмастерьев, чертыхнулся, вступив в глубокую лужу, и направился в сторону казарм. Новости из Ваг Рана предназначались только для Сотницы.

Артанна нар Толл сидела за общим столом в компании нескольких угрюмых бойцов. Веззам знал, о чем они думали: скорбели о погибших товарищах и утраченном доме, жаждали мести и тихо бесились от невозможности ее совершить. Но молчали, зная, что Артанна страдала не меньше них. Будь ее воля, они бы давно покинули Эллисдор в поисках авантюры, сулящей хороший заработок, и набрали достаточно людей, чтобы отвоевать собственность в Гивое. Но их удерживал чертов контракт – до конца года приходилось торчать на службе у малость обезумевшего хайлигландского герцога.

Артанна подняла на взволнованного помощника печальные серые глаза и поприветствовала его слабым взмахом руки.

– На тебе лица нет, – констатировала она. – Что стряслось?

Дрожащей рукой Веззам протянул письмо:

– Пришло сегодня утром.

– От кого?

– Ты не поверишь, – шепнул он. – Читай.

Артанна с безразличным видом приняла послание, но, узнав герб одного из Домов, входивших в правящий совет Ваг Рана, вмиг помрачнела.

– Быть такого не может...

– Ага, – кивнул Веззам. – Я не открывал.

– И я не хочу.

Трудно было ее винить. Последняя весточка, которую Артанна получила с родины, возвещала о том, что ее семья – один из величайших Домов страны – была уничтожена по обвинению в измене. Сама Артанна избежала казни лишь чудом. С тех пор с родины не пришло ни строчки.

– Там может быть что угодно, – настаивал Веззам.

Артанна вышла из-за стола и поманила его за собой.

– Вот именно! – понизив голос, проговорила командир, перейдя на ваганийское наречие. – Хватит с меня их интриг. Не хочу иметь с Ваг Раном ничего общего.

– Но что, если в этом письме нечто действительно важное?

Сотница смерила Второго тяжелым взглядом и ничего не ответила. Веззам отлично помнил, с какой ненавистью она отзывалась о Шано Оддэ – советниках, отдавших тот роковой приказ.

– Пожалуйста, – взмолился Веззам.

Второй видел внутреннюю борьбу, отразившуюся на лице Сотницы. Артанна многое пережила, но боль и непонимание, связанные с потерей семьи и невозможностью вернуться

домой, терзали ее сильнее всего. Веззам знал это и оттого чувствовал себя гадко, заставляя командира ворошить дурное прошлое.

– Ладно, – вздохнула женщина и сломала печать. – Будь что будет.

Она долго изучала текст, вспоминая письменность, которой не пользовалась уже много лет. Закончив читать, Артанна резко бросила бумагу в ближайший костер.

– Что там было? – Веззам наблюдал над корчившимся в агонии листом.

– Один из членов Шано Оддэ ищет встречи. Заливар нар Данш.

– И?

– Он ее не найдет.

1.2 Миссолен

Домовое Святилище в поместье Деватонов не уступало великолепием храмам священного Агарана. Резные скамьи из дорогих пород дерева, золотая и серебряная утварь, ослепительной красоты витражи из гацонского стекла, статуи – все это было призвано заставить грешника благоговеть не только перед величием господним, но и перед богатством Дома Деватон.

И оттого Демос еще сильнее ненавидел это место.

В Амеллоне, где он провел большую часть жизни – еще до того момента, как роковой пожар унес жизни его жены и детей, а сам Демос стал зваться Горелым лордом, – все было скромнее и проще. Но здесь, в столице империи, его семья играла на публику. Любыми средствами Дом Деватон напоминал, что склонял голову лишь перед императором.

«И Великим наставником, – подумал он. – Нужно же время от времени тешить самолюбие “его церковнейшества”».

Демос поднял глаза вверх: окутанные дымкой тонкие колонны тянулись к небу, из стрельчатых окон лился разноцветный свет. Он сидел на передней скамье, рассеянно перелистывая страницы Священной книги, тексты которой знал наизусть. Демос презирал двуличность, свойственную большинству церковников, и сомневался в существовании бога, но был достаточно осмотрителен, чтобы держать крамольные мысли при себе.

«Нет уж, к моим откровениям мир покамест не готов».

Потому Демос старательно посещал молебны, жертвовал крупные суммы и даже ходил на исповедь, хотя не открывал перед наставниками душу, каждый раз придумывая убедительные грешки. Меньше всего ему сейчас были нужны лишние проблемы с Великим наставником Ладарием.

«С учетом моей недавней находки, от дела, в котором были замешаны мой венценосный дядюшка Маргий и предыдущий канцлер, теперь вполне отчетливо пахнет церковными благовоениями. Я мог бы восстать против любого Дома, любого правителя... Но не против Эклузума и его главы».

От тяжелого аромата, исходящего курильницей, шумело в голове. Заунывные песнопения проносились эхом по нефу храма. Демос лишь открывал рот, не издавая ни звука – незачем позориться, когда через проход, буквально в десяти шагах, дочь короля Энриге Гацонского возносила молитву голосом дивной красоты. Чистоте пения леди Виттории мог позавидовать любой театральный кастрат, и Демос был вынужден признать, что искренне наслаждался редкой возможностью приобщиться к прекрасному.

«В бездну Витторию! Еще будет время придумать, чем развлечь нашу знатную гостью».

Куда больше его сейчас занимали последствия Вселенского суда. Из всех очевидных кандидатов на трон теперь оставался лишь Демос.

«Но почему, думая об этом, я чувствую лишь тревогу? Ладарий не мог устроить всю эту шумиху лишь затем, чтобы меня возвысить. Имей он на меня планы, предпринял бы шаги в этом направлении заранее. Или я все еще что-то упускаю?»

Погруженный в размышления, канцлер не сразу заметил, что служба закончилась, и люди начали покидать храм. Демос закрыл Священную книгу и, крикнув, поднялся на ноги, опираясь на трость. Выйдя в проход между рядами сидений, он столкнулся с одной из служанок Виттории. Девушка ойкнула и выпустила из рук шаль.

Канцлер наклонился, едва сдержал ругательство, когда его застал врасплох прострел в спине, поднял кусок светло-голубого шелка и подал застывшей в ожидании даме. Служанка скомкала в руках край шали, поклонилась и прошептала:

– Кажется, вы что-то уронили, ваша светлость.

– Я не...

Демос проследил за ее взглядом и увидел маленький клочок бумаги, притаившийся возле скамейки. Не задавая вопросов, он быстро поднял его и затолкал под рукав. Девушка же поспешила присоединиться к свите госпожи и стремительно покинула зал. Лишь на пороге она обернулась и слегка кивнула канцлеру.

Убедившись, что остался в одиночестве, Демос отошел в одну из боковых ниш, взял свечу и развернул послание.

«В оранжерее после службы. Важно. В.А.» – прочитал он.

Канцлер бросил записку в чашу с огнем. Почерк принадлежал самой леди Виттории – Демос узнал сочетание изящных завитков, характерных для женской руки, и размашистого почерка с сильным нажимом, говорившего о твердости характера гацонки.

«Еще интереснее... Она осторожна, как эннийский лазутчик, и мила, как вагранийская пытка. Красива, впрочем, как богиня, но ведет себя с неизменным высокомерием, словно между ног у нее все покрыто золотом. Что могло заставить Витторию нарушить этикет столь вопиющим образом? И куда смотрят ее дуэньи?»

Канцлер вышел из Святилища. Почти не хромая, он спустился по ступенькам и, приказав охране очистить оранжерею от лишних глаз и ушей, направился по хрустящей дорожке к месту встречи.

1.3 Эллисдор

– Тебя желает видеть его светлость.

Приказ явиться к герцогу заставил Артанну прервать утреннюю тренировку. Отпустив бойцов, Сотница повернулась к Веззаму.

– Ну, веди, раз лорд Грегор жить без меня не может, – хрипло проговорила она, откупорив мех с водой. – Он сказал, зачем я ему понадобилась?

– Нет. Переодеться не желаешь? – помощник удивленно взглянул на командира. Ежедневные упражнения сгоняли семь потов даже с опытного бойца, и сейчас Артанна выглядела неважно: выбившиеся из длинной косы седые волосы прилипли к мокрому лбу, лицо покраснелось, а тунику можно было выжимать.

– Грегора я таким видом точно не оскорблю. А на остальных плевать, – отрезала Артанна и, глотнув воды, решительно направилась к господскому дому.

Герцог Хайлигландский пожелал встретиться в зале для больших собраний. Стоя перед дверями, Сотница хотела было отпустить Второго, но ее помощник покачал головой:

– Я иду с тобой. Его светлость желает моего присутствия, – тихо проговорил Веззам и открыл дверь.

Он пропустил Артанну вперед, внимательно следя за каждым ее шагом, словно опасался, что она вознамерится бежать. Наемница недоверчиво нахмурила брови, но списала подозрительность на расшатанные нервы.

Однако увидев, кто составляет компанию Грегору Волдхарду, молчаливо потягивающему вино за длинным столом, Артанна поняла, что дурное предчувствие ее не обмануло. Рядом с герцогом и эрцканцлером Альдором ден Граувером восседал один из членов Шано Оддэ – правящего ваганийского совета. Высокий сухой человек с длинными седыми волосами, заплетенными в затейливую косу. Лицо его, почти лишенное грубых черт и крупных морщин, тем не менее нельзя было назвать приятным. Точный возраст ваганийца не смогла определить даже Артанна, хотя помнила его еще с юности. Она даже выудила из памяти его имя – Заливар нар Данш. Тот самый Данш, что давеча отправил ей письмо.

Грегор, после трагедии все еще походивший на живого мертвеца, не произнес ни слова. Альдор коротко пожал плечами в ответ на немой вопрос Сотницы. Ваганийский гость поднялся ей навстречу.

– Здравствуй, Артанна, – мягко произнес Заливар нар Данш по-имперски. – Долго же ты заставила меня ждать.

– Проклятье! Что вы наделали? – наемница дернулась к выходу, но ей преградил путь Веззам. Артанна потянулась к перевязи и выругалась, вспомнив, что оставила оружие за дверью. Двое гвардейцев встали по бокам от ваганийки, демонстративно положив руки на эфесы мечей. По глазам воинов она поняла, что уйти из этого зала так просто ей не дадут.

Артанна смотрела на Второго со смесью непонимания и ужаса.

– Прости, – тихо сказал он. – Мне пришлось пойти на это, иначе ты бы никогда не согласилась на встречу. Я доложил о письме лорду Грегору. Его светлость пожелал, чтобы ваша встреча с советником произошла. Ты не выйдешь отсюда, пока не поговоришь с ним. Хотя бы ненадолго обратиться к голосу рассудка и выслушай этого человека. Шано Данш пришел с миром.

– Как-то не вовремя ты отрастил яйца, – прошипела Артанна.

– Думай что хочешь, но сначала выслушай советника. Я всего лишь хочу лучшей участи для «Сотни» и пойду ради этого на все.

– Только что ты пожертвовал мной, – ответила она ему по-ваганийски и повернулась к Грегору. – Я выслушаю Шано, если Веззам уберется отсюда.

На бледном и бесстрастном лице герцога не дрогнул и мускул.

– Условия здесь ставлю я, – холодно ответил он. – Везам останется. Ты должна была лично сообщить мне о письме из Ваг Рана, но не сделала этого. Доложив о нем, твой помощник поступил правильно и заслужил право здесь находиться.

По тону Волдхарда Артанна поняла, что поддержки от герцога не дождется. От Альдора толку не было – против своего покровителя он не пошел бы.

– Ладно, – взяв себя в руки, наемница отодвинула один из стульев, вытащила курительные принадлежности и села, занимая руки трубкой. – Говори, Шано.

Везам встал возле спинки ее стула, словно все еще боялся, что Артанна решит сбежать. Ваганийский советник церемонно поклонился.

– Я Шано Заливар нар Данш. Твой отец был моим другом.

– Крепкая дружба, ничего не скажешь, – отозвалась Артанна. – Где же ты был, когда Дом твоего друга обвинили в предательстве и уничтожили?

Ваганиец не смутился.

– В числе тех, кто оказался к этому причастен, – тихо ответил он. – Косвенно.

Ответ Шано стер язвительную ухмылку с лица женщины.

– А ну повтори, – подавшись вперед, прошипела Сотница.

Заливар нар Данш жестом призвал ее к спокойствию.

– Послушай! Тогда я еще не стал главой Дома, не занял место в Шано Оддэ и не мог ему помочь. Но даже если бы и стал, это вряд ли что-то изменило бы – твой отец посягнул на нечто слишком важное. Я прибыл сюда, чтобы рассказать тебе правду о том, что тогда произошло.

– Это вернет моим родичам жизнь? – Артанна вскочила, едва не уронив стул. Везам крепко схватил ее за плечо, но она брезгливо стряхнула его руку. – Думаешь, какие-то слова спустя тридцать лет что-то изменят?

– Этот разговор может мне самому стоить жизни! Ради того, чтобы встретиться с тобой, мне пришлось тайно выбраться из страны. Ты понятия не имеешь, что происходит в Ваг Ране. За одну встречу с тобой меня ждет неминуемая казнь! Выражая раскаяние, которое ничего для тебя не значит, я рискую жизнью.

Наемница молча выслушала тираду, пинком подвинула стул и снова потянулась к табаку.

– Тогда хватит прелюдий – мы не в борделе, – Артанна ловко набила трубку, поднесла лучину и раскурила табак. – Говори, зачем приехал. Не верю, что тебя загрызла совесть спустя столько лет.

– В Шано Оддэ раскол. Старшие Дома начали уничтожать друг друга.

– Да неужели? – выдохнув дым, спросила ваганийка. – Тебя удивляет, что змеи ядовиты?

– Хватит, Артанна, – вмешался Грегор. – Дай гостю сказать.

Шано с благодарностью кивнул герцогу.

– Споры о праве Старших Домов занимать места в Совете ходили задолго до начала деятельности твоего отца, – начал он. – Кто-то говорил, что первые Шано завещали выбирать в советники достойнейших людей вне зависимости от их положения. Иные, наоборот, утверждали, что первые Шано поручили своим детям продолжать их дело. Как было в действительности, не знает никто – за полторы тысячи лет, что существует Шано Оддэ, с этим так и не разобрались.

Артанна пожала плечами.

– Этот вопрос удобно замалчивать. В вашем-то положении.

– Как и в твоём, – парировал ваганиец. – Дом Толл наряду с остальными Старшими Домами наследовал право заседать в Шано Оддэ. До недавнего времени.

Заливар жестом попросил вина и, сделав глоток, едва заметно скривился. Артанна метнула свирепый взгляд на кувшин. Она старалась воздерживаться от пьянства, но соблазн был велик.

– Гириштан покровительствовал университету Рантай-Толла, – промочив горло, продолжил ваграницец. – С его подачи организовали несколько экспедиций в древние храмы. Весьма удачные, замечу. Впрочем, одна из них оказалась роковой для всех нас – завещание первых Шано все же было найдено.

– Что ж, мой отец всегда уделял слишком много внимания прошлому, – сухо ответила Артанна. – И что нашли?

– Доказательство того, что Старшие Дома занимали места в Шано Оддэ не по праву. Согласно тексту находки, Совет должен был стать выборным, а вместо этого наши предки создали закрытое сообщество и передавали титул по наследству.

– Ну, здесь-то я их могу понять, – криво улыбнулась наемница. – Зачем разделять с кем-то власть, если можно править самим?

– Находка твоего отца остальным Шано не понравилась. Они увидели в этом угрозу и предложили Гириштану уничтожить документ. Он не согласился, – ваграницей гость с тихим стуком поставил кубок на стол. – Помнится, мы с ним долго спорили. Он хотел восстановить положенный ход вещей, а я не понимал, почему он был так одержим этой идеей. Если бы я знал, какими последствиями это обернется для Гириштана и всех нас... – по лицу советника пробежала тень, на миг открыв его истинный возраст. – Когда твой отец отказался уничтожить находку, его обвинили в предательстве и заговоре против Шано Оддэ. Нашли повод. Что было дальше, ты знаешь.

– Ага. Так вот оно что, – задумчиво протянула Артанна. – Кто бы мог подумать? Мой отец положил жизнь собственной семьи на алтарь замшелых идеалов! Вполне в духе всех этих героических баллад. Да что толку от этого героизма?

Грегор и Альдор переглянулись, но от вопросов воздержались.

– Это еще не все, – расправив полы роскошного одеяния, продолжил Заливар. – Когда Шано избавились от твоего Дома, в совете освободилось место. Некоторое время велись споры, кто должен стать одиннадцатым советником и нужен ли он вообще. В конце концов, несколько Шано предложили отдать это место главе одного из Младших Домов. Побочные ветви правящих семей давно претендовали на власть и стали внушительной силой, игнорировать которую уже не получалось. Поэтому советники решили одним махом убить двух зайцев – заполнить пустоту и заручиться лояльностью Младших Домов.

– И кто сейчас отсиживает задницу в совете вместо моего отца? – безучастно поинтересовалась наемница.

– Не так важно, кто занял место твоего отца в совете. Имеет значение другое – идею, за которую погиб Гириштан, извратили. Совет раскололся еще при жизни твоего отца. Однако после того как Дом Толл пал, советники обратили пристальное внимание на всех, кто поддерживал предателей. Так избавились еще от двух Старших Домов – и тоже по обвинению в заговоре. Теперь их места занимают Младшие Дома – наиболее обеспеченные и лояльные к порядкам нынешнего совета.

Артанна потушила трубку и хрустнула пальцами.

– Хорошо устроились, ничего не скажешь, – сказала она. – Но я все еще не понимаю, зачем ты здесь.

Заливар нар Данш невесело усмехнулся.

– Так уж вышло, что мы с тобой оказались в опасности.

– Прошу прощения? – Альдор метнул тревожный взгляд на знатного ваграницца и нервно забарабанил пальцами по краю стола.

– После того, как я стал главой своего Дома, в Шано Оддэ вспомнили о моей давней дружбе с Гириштаном. Перед смертью он спрятал ту злополучную находку и даже под пытками не выдал, где. Участников той экспедиции в живых тоже нет – о сохранности тайны позаботились. Советники искали документ много лет, но потерпели неудачу. Спрашивали и меня, но

мне удалось отвести от себя подозрения. Впрочем, не до конца. Недавно кто-то снова пустил слух, что я знаю, где находится завещание. Что бы я ни сказал, как бы ни пытался оправдаться, веры мне не будет. А потому моему Дому угрожает участь семьи Толл.

– С этого и нужно было начинать, Заливар, – вздохнула наемница. – Теперь все понятно: ты трясешься за свою шкуру, и тебя трудно в этом винить. Но я здесь при чем?

– Пока ты жива, Дом Толл не может считаться уничтоженным, – пояснил Данш. – К тому же, ты женщина – и можешь родить мстительных наследников. Не самая благоприятная перспектива для тех, кто приговорил твоего отца.

Наемница нервно рассмеялась.

– Никого в вашем драном совете не смущает, что за все эти годы я не рвалась на родину? Отказывалась от контрактов, предполагавших путешествие в Ваг Ран, а единственного ваграницейца, который служит в моем войске, и вовсе нашла в Рундкаре – вместе бежали из плена. Или ты видишь здесь моих мстительных отпрысков?

– Плевать! – оборвал ее Заливар. – Ты представляешь угрозу для Шано Оддэ одним фактом своего существования. Тебе хоть известно, что за вещь ты носишь на своей руке? – Ваграницец указал на браслет Артанна. – Это символ власти. Как ты его получила?

– Отец отдал его мне, когда провожал в Хайлигланд.

– Надел на тебя? Сам?

– Да, – удивилась наемница. – Но к чему...

– Все! – советник грохнул кулаком по столу и вскочил, напугав охрану. – Ты – глава Дома, Артанна. Гириштан передал тебе права. Сделал наследницей еще при жизни. Ритуал был соблюден.

– Глава Дома? – опешила наемница. – Женщина?

– Какая разница? – раздраженно произнес Заливар. – Преемника выбирает сам Шано, и его решение не обсуждается. Знаешь, что это означает? На твоей спине нарисована огромная мишень.

Слова Шано грохотали заикавшимся эхом в голове наемницы. Хотелось выпить. В горле пересохло то ли от напряжения, то ли от пряного табака. Один глоток, всего один – и ей стало бы легче. Сотница посмотрела на свои пальцы – они дрожали. Наемница торопливо спрятала руки под стол.

– Пока что ваграницы не пытались меня убить, – справившись с эмоциями, сказала она.

– Я предупредил: жди гостей со стальным угощением. Советники не успокоятся, пока ты будешь дышать. До меня и раньше доходили слухи, но недавно вопрос о твоей смерти был поднят прямо на заседании. Шано боятся, что если завещание первых советников найдется, твой Дом будет оправдан, и ты станешь наследницей не предателя, но героя.

– Артанна находится под моей защитой, – глухо напомнил Грегор. – Пока остается в Хайлигланде, разумеется. У нас надежные люди.

– Разве? – снисходительно улыбнулся Заливар. – Мне не стоило трудов договориться с верным помощником Сотницы. Как вы думаете, на что в таком случае способен сплоченный и очень богатый Шано Оддэ, задавшийся целью избавиться от леди Толл любой ценой?

Артанна пожала плечами. Этого она не учла. Вернее, попросту не хотела думать о поступке Везама в данный момент. Тем не менее, Данш был прав. Если ее подставил даже Второй, что было говорить о других?

– Ладно, – согласилась Артанна, бросив косой взгляд на Везама. – Ты прав, советник. Но ради одного лишь предупреждения ты бы сюда не пришел. Так что тебе нужно от меня?

Лицо Заливара озарила приятная улыбка.

– Взаимовыручка. Раз нас обоих планируют убить, я предлагаю объединиться и нанести удар первыми. Тогда наследницу Дома Толл наконец-то оставят в покое. Я же воспользуюсь ситуацией и уничтожу тех, кто превратил правящий совет в рынок. Я скорее соглашусь

на выборность, чем на покупку и продажу должностей. Мой Дом весьма популярен в народе, поэтому за место в совете я могу не волноваться – оно будет у меня в любом случае. Конечно, если останусь жив.

На лице Артанны отразилось сомнение.

– Чем дальше, тем интереснее. Как ты собираешься это устроить?

Заливар поднес чашу к губам. Рукав его роскошного одеяния задрался, и на запястье Артанна увидела знакомую вещицу – браслет с синим камнем, почти копию ее собственного.

– Убьем тех, кто хочет убить нас, – безмятежно улыбнувшись, ответил советник.

– Это уже действительно похоже на заговор, – сказал Альдор, хмуро взирая на гостя, – в который вы хотите втянуть Хайлигланд. Страшно подумать, чем все обернется, если ваше предприятие сорвется, а имена заговорщиков раскроются.

Заливар встретил взгляд барона с умиротворенной улыбкой.

– Значит, у нас нет права на ошибку. Каждый получит свое: Артанна избавится от преследователей, восстановит честь Дома и получит внушительное наследство, я же сохраню жизнь, спасу несколько достойных Домов и получу возможность устроить чистку в Шано Оддэ. Совету давно следовало измениться.

Наемница напряженно вглядывалась в лицо Данша, злилась на саму себя за интерес к речам этого вагранийца, хотя столько раз клялась не лезть в дела прошлых лет. Она всегда помнила, кем являлась. В глубине ее души продолжал гореть мстительный огонек, но стоило ли превращать его в безудержное пламя?

– Заманчивое предложение, но, знаешь, Заливар, что-то мне не хочется в это лезть, – наконец сказала она.

Шано рассмеялся.

– А у тебя есть выбор, Артанна из Дома Толл? Оставшись без собственности и с ошметками некогда внушавшего уважение войска, пытаешься согреться за пазухой у сына человека, женой которого так и не стала. Прибавь к этому еще и постоянное ожидание нападения. Завидное положение, – процедил ваграницец. – Я следил за тобой. И, смею полагать, не я один.

– С убийцами я как-нибудь разберусь. Не они первые, не они последние.

– Я предлагаю выход. Решение проблемы, которая встала костью в горле. Жестокое, грубое, но оправданное, – убеждал советник. – Помоги мне, и я отблагодарю тебя. Сделай это ради чести семьи или собственного тщеславия, ради денег или наследства, на которое имеешь право. Да хоть ради мести, ибо твой отец заслужил отмщения! Соглашайся, Артанна. Другого шанса не представится.

Наемница поймала взгляд Волдхарда. Герцог качнул головой.

– Боюсь, ты все же опоздал, – сказала она, не отрывая глаз от Грегора. – Я связана службой и не вправе покидать нанимателя. Контракт с герцогом подписан, и я буду служить ему до конца года. Прости, Шано, решаю уже не я. Слово за его светлостью.

Волдхард с удивительным изыщством, не свойственным людям его комплекции, поднялся со стула и кивнул наемнице:

– Оставьте нас с Шано наедине. Я пошлю за вами, когда понадобится.

Дважды просить Артанну не пришлось. Сотница быстро встала из-за стола, сунула трубку в карман и направилась к выходу. Везам застыл было в нерешительности, но командир жестом поторопила его.

– За мной, – не скрывая злости, приказала она и потащила помощника вверх по лестнице. – Быстро.

Всю дорогу Везам молчал. Он хранил безмолвие даже после того, как оказался в скромных покоях наемницы. Артанна скинула пропахшую потом рубашу и вылила на голову воду прямо из кувшина – влага заструилась по телу женщины. Вытерев лицо и волосы, ваграницка достала из сундука свежую тунику и одним движением нырнула в холодную льняную ткань.

Их взгляды встретились. Второй даже не моргнул. Артанна лишь покачала головой, подошла к окну, снова закурила.

– Что он тебе пообещал за это, Веззам? Чем соблазнил? – с болью в голосе произнесла она. – Отменить смертный приговор? Вернуть имущество? Заставить твою семью снова принять тебя? Что, что такого он был готов тебе дать взамен, раз ты пошел против меня?

– Мне – ничего. Я сделал это не ради себя.

– Так ради чего? – вскричала Артанна, ударив свободной рукой дубовую панель шкафа. Полки покачнулись, а на костяшках пальцев Артанны выступила кровь. – Ради чего же, мать твою?

– Ради «Сотни».

– И какая «Сотне» от этого польза?

– Помогая Заливару, ты вернешь свой статус в Ваг Ране. Воспользуешься обретенным влиянием, наберешь людей и отвоюешь Гивой.

– А о том, нужно ли это мне, ты не подумал.

– Да я постоянно о тебе думаю! – рявкнул Веззам. – Я вечно разрывался между тобой и отрядом, – ваграницец ринулся к Артанне и, схватив ее за плечи, придавил к многострадальному шкафу. Наемница выронила трубку и дыхла горьким дымом в лицо помощнику. – Много лет все, что я делал, я делал ради тебя. Поступался своими интересами, приносил в жертву свои желания и мечты.

– Кто тебя об этом просил?

– Вот и до меня лишь недавно дошло, что распинался я зря. И в кои-то веки начал действовать в интересах войска, а не в твоих. Как настоящий Второй. Как должна поступать и ты.

– Да провались ты с такими мотивами, – хрипло прошептала наемница. – Перечитай условия контракта. Ты зарвался, Веззам. Не бери на себя лишнего.

– И это после всего, что я для тебя сделал?

Артанна не выдержала и вlepила Второму оплеуху. Ваграницец не успел увернуться и слегка пошатнулся, когда командир врезала ему снова.

– Забыл, сколько всего сделала для тебя я? Кто представил тебя герцогу и выторговал для тебя награду за мое чудесное спасение? Кто взял с собой в Гивой? Кто дал тебе кров, пищу и деньги? Кто сделал тебя Вторым, в конце концов? Что, память короткая? – брызгая слюной, орала Артанна, напирая на смутившегося помощника. – Хватит, Веззам. Я не собираюсь всю жизнь расплачиваться за одно счастливое спасение. Ты и так получил от меня достаточно благодарности. Я, мать твою, верила тебе, а ты... – Артанна бессильно уронила руки и отвернулась, не желая, чтобы он заметил ее слезы. – Ты мне даже выбора не оставил.

В дверь постучали. Артанна обернулась, только сейчас обнаружив обнаженный клинок в своей руке. На пороге стоял один из гвардейцев личной охраны Грегора. Поймав его удивленный взгляд, наемница поспешила убрать оружие.

– Его светлость желает видеть леди Толл, – отчеканил солдат. – Одну.

– Благодарю.

Когда гвардеец скрылся за дверью, Артанна снова посмотрела на Веззема.

– Либо с сегодняшнего дня работаешь строго по контракту, либо вали из отряда ко всем чертям. Решай сам, – сказала она и вышла вслед за гвардейцем.

1.4 Миссолен

Годы службы при дворе научили Демоса передвигаться бесшумно. Очутившись под стеклянным куполом оранжереи, канцлер остановился, наблюдая за Витторией.

Отчасти дочь Энриге даже нравилась ему.

«Насколько может нравиться воину искусно украшенное копье противника. Или лекарю – состав редкого эннийского яда».

Он понимал, что Энриге Гацонский неспроста послал дочь к Деватонам, однако король не торопился что-либо предлагать Демосу. Гацона вела себя крайне осторожно, Деватоны – сдержанно подыгрывали, сама Виттория была образцом осмотрительности, а у Демоса попросту не находилось времени, чтобы распутать еще и этот клубок.

«Сейчас, впрочем, самое время потянуть за ниточку».

Виттория медленно прогуливалась среди кадок с раскидистыми деревьями с мясистыми листьями и ароматными ярко-желтыми, под стать ее платью, цветами. Пестрые птицы галдели на все лады, порхая с ветки на ветку. В руках молодой женщины было несколько свежесрезанных таргосийских алых роз.

Демос намеренно задел ветку, спугнув стайку пичужек. Те с возмущенным щебетанием захлопали крыльями и ретировались. Услышав шум, Виттория вздрогнула, но, узнав Демоса, выдавила из себя подобие теплой улыбки.

«Надо же, какая любезность!»

– Ваша светлость, – гацонка присела в безукоризненном реверансе и подняла глаза на канцлера. – Благодарю, что нашли для меня время.

Демос коротко кивнул и подошел ближе.

– Вряд ли вы стали бы тратить собственное на пустяки. Что произошло, леди Виттория? Женщина огляделась по сторонам, явно опасаясь лишних ушей.

– Я приказал не мешать нам. Вы можете говорить открыто.

Виттория пригласила Демоса присесть на скамью под сенью благоухающего тошнотворно-сладкими цветами куста. Гостья расположилась на расстоянии вытянутой руки от канцлера и задумчиво перебирала нежные лепестки роз.

– Известно ли вашей светлости, зачем отец отправил меня в Миссолен? – робко начала Виттория.

Демос пожал плечами:

– Мне была рассказана душещипательная история о бракоразводном процессе, причина которого могла сделать вас предметом насмешек. Его величество пожелал, чтобы вы провели некоторое время вдаль от дома, пока скандал на вашей родине не уляжется.

Виттория покачала головой и печально улыбнулась.

– Отчасти это правда. Но, полагаю, вам следует знать больше.

– Это будет разумно, – ответил канцлер.

– Некоторые могли бы предположить, что его величество намерен заключить еще один выгодный брак...

«Разумеется. В Миссолене только о нем и говорят».

– Но причина не в этом? – предположил канцлер.

Женщина повернула голову и в упор посмотрела на Демоса. Только сейчас, впервые оказавшись настолько близко к ней, он смог заметить, что глаза ее были необычного цвета – карие с золотыми нитями, расходившимися от зрачков к краям темной радужной оболочки.

– Отец отправил меня в Миссолен не потому, что хотел выдать замуж. Скандал еще слишком громок, вы правы, – Виттория сжала букет, не замечая боли от впившихся в ладони шипов. – Я приехала сюда из-за опасения, что мой брат Умбердо может меня убить.

Демос удивленно вскинул брови.

– Я не ослышался?

– Отнюдь, ваша светлость. Впрочем, как вы знаете, в Гацоне интриги, борьба за власть и братоубийство являются любимейшими забавами знати.

– Наслышан, – кивнул Демос. – Но неужели ваш отец не нашел управы на собственное дитя?

Виттория печально улыбнулась.

– Его величество болен. К счастью, пока ему удастся успешно это скрывать, однако болезнь набирает силу. Возможно, скоро в Гацоне будет новый король.

– Кронпринц Умбердо или...

– Или я, – спокойно констатировала женщина. – Если с Умбердо что-то случится, конечно же. Был еще третий претендент – Альгедо, наш брат. Но теперь он может претендовать разве что на поминальные службы. Умбердо весьма ловко от него избавился.

«Так оно и бывает. Живешь себе, не жалуешься, пытаешься сохранить и преумножить казну государства, скрываешь колдовскую кровь, ищешь пропавших императриц... А затем узнаешь, что, оказывается, прячешь в своем доме возможную королеву Гацоны».

Канцлер нахмурился, судорожно обдумывая варианты развития событий.

– Насколько далеко способен зайти ваш брат?

Виттория усмехнулась, на миг надев уже знакомую Демосу маску холодного пренебрежения.

– Умбердо хватило жестокости убить собственного малолетнего брата и совершить покушение на меня! Разумеется, он готов на все! Отец быстро все понял и приказал мне собираться в Миссолен. Благо, для этого имелся убедительный предлог.

– И он оставил Умбердо безнаказанным?

– Его величество осторожен и знает, что жить ему осталось недолго. Вокруг Умбердо сплотилась группа влиятельных вельмож, с мнением которых король не может не считаться. Кроме того, мой брат помолвлен с сестрой Грегора Волдхарда, вашей кузиной, и этот союз весьма популярен в стране. Герцог Хайлигландский одобрил брак лишь потому, что Умбердо – наследник гацонской короны. По законам моей страны женщина имеет право претендовать на престол, но всегда уступает очередь мужчинам. У меня очень мало шансов стать королевой, и все же...

– Одно ваше существование ставит под угрозу его планы.

– Именно, ваша светлость.

– Так обезопасьте себя и отрекитесь. Сделайте это официально, подпишите документ, заручитесь поддержкой Великого наставника, и будете жить.

Виттория покачала головой. Из ее прически выбилась длинная смоляная прядь и упала на плечо.

– Мой отец не желает этого, – тихо проговорила гацонка. – Считайте меня запасным вариантом.

– И потому он решил просто спрятать вас от кровожадного брата под крылом самого влиятельного Дома империи, – рассуждал канцлер. – Что ж, по крайней мере, теперь все сходится.

«За исключением того, что я не знаю, к чему все это может привести».

– Раз уж мы говорим откровенно, расскажите мне все, – продолжил Демос. – Чего еще я не знаю, но должен знать?

Гацонка изящно поднялась со скамьи и подошла к маленькому фонтанчику, бившему посреди оранжереи. Сидевшие на краю чаши птицы пугливо отлетели в сторону, когда она приблизилась.

– Умбердо разрушил мой второй брак, – сказала гацонка, зачерпнув в ладонь воды. – Именно он дал ход разводу, когда понял, что... нетрадиционные предпочтения маркиза Уль-

бри не помешали бы ему иметь наследника. Мой брат знал, что маркиз стремился к обществу мужчин, и поначалу способствовал заключению нашего брака именно по этой причине – так у меня было мало шансов стать помехой. Впрочем, одного он не учел: Ульбри мог позволять себе развлекаться с кем угодно, но о долге не забывал. В конце концов, если бы все знатные мужеложцы спали исключительно друг с другом, в Гацоне давно бы перевелись дворяне, – усмехнулась женщина. – Пришлось повозиться, но в итоге мы нашли способ исполнять супружеский долг, не испытывая друг к другу отвращения. Однако эти усилия были тщетны, поскольку мой находчивый братец раздул скандал быстрее, чем я успела понести, – Демосу показалось, что на лице Виттории промелькнула тень сожаления. – Впрочем, в отличие от моего первого мужа, этот хотя бы остался жив.

– Что же стало с первым?

– Умер, – спокойно пожала плечами женщина, но канцлер отметил, как уголки ее губ печально опустились. – Когда перестал приносить пользу моему отцу. Думаю, со временем это ожидало бы и маркиза.

«Восхитительно. Интересно, страшная кара ждет всякого, кто решит разделить с ней ложе, или некоторым иногда везет?»

– Должен признаться, ваш братец сглупил. Куда логичнее сразу избавиться от одной женщины, способной наплодить конкурентов, чем от вереницы ее мужей.

– Судя по тому, что сейчас я стою здесь, он, как вы понимаете, осознал свой промах. И у него почти получилось его исправить, – сухо сказала Виттория и отвернулась.

Демос пытался понять, что именно в этот момент лишало его душевного равновесия. Жалость к этой особе? Сострадание? Злость на человека, посмеявшегося тронуть беззащитную женщину?

«Но так ли она беззащитна? И почему меня вообще это заботит?»

Как бы то ни было, он начинал лучше понимать свою гостью.

«Прятать боль под маской высокомерия и безразличия – довольно простой, но эффективный способ. Мне ли не знать? Но дело не только в разрушенных браках. Должно быть что-то еще, запавшее в ее душу куда глубже, чем скорбь по личному счастью. Что-то, связанное именно с ее дражайшим братом».

– Что он с вами сделал?

– Конкретно в этот раз – отравил.

– Выходит, он причинял вам вред не единожды?

– Я бы не хотела говорить об этом, ваша светлость. Это семейные дела, о которых мне неприятно вспоминать, – голос Виттории дрогнул, по лицу пробежала судорога. Женщина удивительно быстро вернула лицу спокойное выражение, но от Демоса не укрылся инстинктивный жест – рука, приложенная к низу живота. – И, ко всему прочему, это не относится к делу. Уже не относится.

Канцлера передернуло.

«Вот оно что... Ублюдок».

– Простите мою бестактность, – сказал Демос. – Я более не подниму эту тему.

«Но справки обязательно наведу».

Гацонка молча кивнула в знак благодарности и снова опустила руки в чашу фонтана. Демос поднял глаза на гостью:

– Как я понимаю, у вас есть ко мне просьба? Не зря же вы затеяли этот разговор.

Виттория повернулась к Демосу и сделала глубокий вдох. Шелка ее наряда взметнулись, когда она вернулась к скамье и села подле канцлера.

– Я осведомлена, что завтра вы встретитесь с моим отцом, лорд Демос. Не знаю, как именно, но он попытается уговорить вас оставить меня здесь еще на некоторое время. Я не могу поселиться в нашей резиденции – руки у моего брата длинные, и он непременно восполь-

зуються возможностью от меня избавиться. Но сделать со мной что-либо, пока я нахожусь под защитой Дома Деватон, не посмеет. Все, чего я прошу, – не отказывайте его величеству, ибо от этого зависит моя жизнь и, быть может, жизнь самого короля. Клянусь, мое присутствие не отяготит вас, – Виттория понизила голос. – Расходы на мое содержание полностью покроет гацонская казна. Я же вверяю свою судьбу в ваши руки и готова смириться с любым решением. Также, если я смогу оказаться вам полезной, с радостью исполню любую вашу волю в качестве благодарности.

Демос приложил все усилия, чтобы его обожженный оскал получился наименее жутким.

– Не стоит беспокоиться, леди Виттория. Я услышал вашу просьбу. Завтра я поговорю с его величеством и, полагаю, мы придумаем выход из ситуации, который удовлетворит интересы всех сторон. Пока же я прошу вас перестать волноваться, ведь его величество будет счастлив видеть свою дочь отдохнувшей, – канцлер поднялся, опираясь на неизменную трость. – И, молю вас, будьте осторожны с этими дрянными розами – у них очень острые шипы.

Услышав последнюю фразу, Виттория застенчиво улыбнулась.

– Благодарю вас, лорд Демос. Признаться, я была удивлена, поняв, насколько сильно слухи о вас расходятся с истинным положением вещей.

Канцлер ничего не ответил, лишь коротко кивнул и захрустел сапогами по мраморной крошке.

«Не уверен, что завтра она будет готова повторить эти слова».

Виттория, однако, их повторила. Днем позже, восславляя Демоса на приеме в честь Энриге Гацонского, она произнесла полную восхищения речь, заслужив аплодисменты, от которых еще долго содрогались стены поместья Деватонов.

Демоса было трудно удивить, но Виттория зачем-то упорно продолжала стараться. Канцлер был вынужден признаться, что эта черта ее характера пришлась ему по нраву. И все же, как ему казалось, у его гацонской гостьи не было причин для искренней радости.

Ибо в самый разгар того роскошного приема Демос объявил об их помолвке.

«Первый плевок в лицо Ладарию сделан. Интересно, какое наказание ждет меня в ответ?»

1.5 Эллисдор

Герцог ждал Артанну в запущенном саду у стен замкового Святилища. Солнце обрушило на Эллисдор небывалую, почти гацонскую, жару. Воздух стоял неподвижно, дышалось с трудом. Грегор – все такой же бледный, в застегнутом наглухо дублете, сидел на каменной скамье и молча взирал на статую леди Ириталь. Свежий мрамор изваяния резко контрастировал с побитыми временем скульптурами. Альдор ден Граувер расположился рядом, обмахиваясь папкой с бумагами, словно веером. Увидев Артанну, он кивком пригласил ее сесть. Наемница подчинилась и молча уставилась на мертвый фонтан, отбросивший тень на поросшую сорняком дорожку.

– Первый приказ: все, что сейчас будет сказано, приравнивается к тайне государства. Это понятно? – спросил Волдхард.

– Так точно, ваша светлость.

– Артанна, – голос герцога смягчился. – Я мог бы просто приказать тебе сделать это, но я слишком давно тебя знаю и уважаю, поэтому буду просить как друг.

– О чем ты хочешь попросить?

Волдхард откинул прилипшие ко лбу волосы.

– Почему ты раньше не говорила, что являешься главой Дома?

– Потому что сама не знала об этом. Ты слышал ровно столько же, сколько и я, Грегор, – хрипло проговорила Артанна. Во рту пересохло, ее донимала жажда. – Мне нечего добавить.

– Если все, что рассказал советник, правда, ты действительно в опасности.

– Мы всегда в опасности, ваша светлость, – пожала плечами наемница. – Чума, случайная стрела, зеленый понос... Все мы рискуем. Кто-то больше, кто-то меньше. Но от смерти все равно никуда не уйдешь.

– Только глупец отмахнется от угрозы со стороны Шано Оддэ.

Артанна пожала плечами:

– И когда это случится, если случится? Все эти заговорщики могут пойти со своими планами куда подальше. Оставь меня при себе, дай работу, и все будет хорошо.

– Грегор, да скажи уже ей! – нетерпеливо вмешался Альдор.

– О чем? – приподняла бровь наемница.

Герцог отвел глаза.

– Данш предложил сделку, от которой я не могу отказаться, – сказал он. – Я уже дал согласие. Тебе известно, что мы планируем Священный поход. Начнем с Хайлигганда, а затем, возможно, отправимся в Миссолен. Но прежде я должен решить, как переброшу туда войско.

Артанна быстро смекнула, в чем дело.

– Кажется, я начинаю понимать, зачем тебе понадобились ваганийцы. Флота у Хайлигганда нет, так что морем ты до империи не доберешься. По суше есть только два пути – через Рундкар или Ваг Ран.

– Идти через Рундкар – самоубийство. Мы сделаем огромный крюк, застрянем по пояс в сугробах, потеряем две трети войска из-за цинги и обморожения, а остаток армии уничтожат варвары, – рассуждал Грегор. – Ваг Ран – единственный вариант.

Артанна болезненно поморщилась.

– Ваганийцы открывают Тоннель только для торговцев и путешественников, способных заплатить пошлину, – напомнила она. – Весьма высокую, замечу. И лишь для тех, кто идет с миром. Шано не допустят присутствия чужой армии на своей земле. Даже за огромные деньги. Строй корабли, Грегор. Если только...

К самым ногам Артанн подлетел воробей и принялся заинтересованно прыгать прямо возле носка ее сапога. Наемница усмехнулась, вывернула наизнанку карман и высыпала на

ладонь несколько семечек – любила их грызть, чтобы унять тягу к трубке. Птица подлетела к руке наемницы, ловко подхватила клювом лакомство и вспорхнула на ближайший куст.

– Если только Шано Оддэ не решит иначе, – закончил фразу Грегор.

– Давай уточним, – нахмурилась наемница. – Ты хочешь пойти на поводу у Данша и устроить переворот в чужой стране лишь для того, чтобы провести свои войска прямехонько в Бельтеру?

– А заодно – избавить тебя от преследователей и заключить союз с соседями. Подумай, что это сулит всем нам. Я смогу незаметно перебросить армию, выйти близ Гумертана и оголошать Миссолен. Имперцы не успеют подготовиться, и мы быстро попадем в самое сердце Бельтеры. От Амеллона до Миссолена всего двадцать дней перехода.

Артанна осознала, что переубедить Грегора не сможет. Упрямство Волдхардов не могла пробить даже она. Хуже того – наемница понимала, что и ей самой отказаться не удастся.

– Раз ты загадываешь так далеко, соглашайся на предложение Заливара, только меня, пожалуйста, не трогай, – раздраженно бросила она. – Я понимаю, о чем ты хочешь попросить, и умоляю не делать этого. Не выполнить твоего приказа я не могу, но, проклятье, я не хочу в это лезть! Только не Ваг Ран.

Альдор шумно вздохнул и тряхнул отросшей каштановой шевелюрой.

– Шано настаивает на твоём участии, – сказал барон. – Он намерен восстановить тебя в правах и очистить имя Дома Толл. Но ему не нужна армия Хайлигланда – присутствие иностранных войск в Ваг Ране только усложнит ситуацию. Твои наемники подходят для этого гораздо лучше.

– Хватит и двух десятков, – вмешался Грегор. – Шано хочет, чтобы все прошло тихо. В конце концов, в свое время к тебе в Гивой ушли и наши лазутчики.

Альдор открыл папку и сверился с записями.

– В следующее новолуние весь ваганийский совет соберется в Рантай-Толле. Удачный момент, чтобы начать действовать. У Заливара есть план.

Артанна изумилась:

– Он что, хочет, чтобы мы их всех просто взяли и перебили? Вырезали, как скот?

– Не всех. Только семерых, – сказал Грегор. – После этого Шано Оддэ будет обновлен, Ваг Ран подпишет ряд договоров с Хайлигландом, а тебе вернут титул.

Сотница ошарашенно пялилась на герцога, тон которого был столь будничным, словно он приказывал подавать на стол.

– Семеро советников с вооруженной до зубов охраной. И против кого? Двадцати бойцов «Сотни»?

– У тебя будет помощь на месте. Заливар обеспечит, – сказал герцог. – Но людей, которым можно доверять, в Ваг Ране немного. Для этого Даншу и нужна твоя помощь. От операции в Ваг Ране слишком многое зависит, и это мой единственный шанс на успех. Либо ты поможешь мне, либо уже не поможешь никому. Я предлагаю тебе возможность, какой у тебя больше никогда не появится, – потеряв терпение, Волдхард грохнул кулаком по скамейке. – Или ты так и хочешь остаться в летописях Артанной-предательницей?

Ваганийка смотрела в ледяные глаза герцога, все сильнее убеждаясь, что обсуждение потеряло смысл. Альдор встревоженно косился на Артанну, всем видом умоляя ее не спорить. Она и не собиралась.

– Мне нужно поговорить с бойцами, – хрипло проговорила наемница. – Собрать команду. Дай мне время, и я приду с планом.

– Думай до рассвета, – ответил Грегор, поднимаясь со скамьи. Альдор подобрал полы туники и последовал за другом. – Если откажешься или дезертируешь, я обвиню тебя в измене и отсеку голову отцовским мечом. Не вынуждай.

2 глава

2.1 Эллисдор

Веззам остался.

Артанне казалось, что он не был способен соорудить более унылую рожу, но ошиблась – на осунувшемся некрасивом лице ваганийца уже неделю отражалась вся мирская скорбь. Поначалу Сотница намеревалась низвести Веззама до рядового, но передумала и оставила Вторым. Стремления Веззама, если подумать, изначально были благими, да только привели они напрямик к порогу ада. Но кто знал?

Наемница тряхнула головой, подняла глаза на Шрайна и поняла, что совершенно потеряла нить разговора.

– Говорю тебе, я в этом замке уже скоро волком выть начну, – пробасил великан. – Когда есть чем заняться, хоть по девкам своим не скучаю. А сейчас... При старом лорде оно проще было: вечно задница в снегу, огневица в животе. Старею я, Артанна, скоро шестой десяток разменяю. Домой хочу. Кабы не приданое, клянусь: давно бы оставил службу. Меня возле тебя только и держит надобность еще двух дочек замуж выдать.

– Я тебе сейчас столько забот дам, что обо всех своих бабах забудешь, – беззлобно проворчала ваганийка.

– Скорее бы, – кивнул великан. – Это последнее задание, на которое я с тобой пойду – и лишь потому, что плата щедрая.

– Это был только задаток.

– Что же там за дело, раз нас осыпают золотом? – Шраин прищурил опутанные сеткой морщины глаза и почесал бритую макушку. – Я никогда не отказывался от хорошей прибыли, но... Здесь что-то нечисто.

Ваганийка понимала беспокойство Третьего, но утешить ничем не могла.

– Чем грязнее работа, тем она дороже, – пожала плечами сотница. – Нам доплачивают за молчание.

– Угу, – неохотно согласился великан. – Все уже собрались. Ты только с ними помягче... У парней нервишки шалят.

Еще бы. Она и сама все эти дни была на взводе. Артанна окинула взглядом дворик перед казармой. Остатки ее войска сбились в кучу перед входом – грелись на солнце, курили, о чем-то спорили. Веселья не было и в помине – с тех пор, как «Сотня» потеряла большую часть войска в Гивое, бойцам стало не до шуток. Трагедия в Святилище лишь усилила скорбь.

Командир посчитала собравшихся. Не хватало только одного.

– Где он, мать его, шляется? – прошипела она, не увидев Джерта. Артанна сделала бойцам знак подождать и села на одну из бочек. – Ладно, подождем.

Наконец энниец появился. Он, словно желая вывести командира из себя еще сильнее, не торопился: медленно вошел в ворота, перекинулся парой слов со стражей, завернул к колодцу, выпил воды, и лишь затем наигранно спохватился и ускорил шаг.

Артанна перегородила ему дорогу:

– Где тебя носило?

– В городе был.

– На кой черт тебе понадобилось в город? Говорили же о сборе.

Медяк глумливо оскалился:

– Малость не рассчитал по времени – с кем не бывает. Прости, командир. Клянусь, я летел к тебе, словно камень из пращи!

– Тебя видели в кабаке.

– Рикошет!

Артанна закатила глаза. Никак не могла взять в толк, почему этот умный, в общем-то, мужик порой вел себя, как юродивый на паперти.

– Опять, небось, какие-нибудь эннийские извращения? – уже не желая знать истинного положения вещей, спросила Сотница. Ей было известно, что на верхнем этаже полюбившегося Джерту кабака находился бордель. Вместо ответа Медяк лишь мерзенько улыбнулся и открыл было рот, чтобы ответить, но ваграница резко вскинула руку, веля ему замолчать. – Не вздумай рассказывать!

Джерт бросил на командира лихой взгляд и устроился на скамье рядом с Черсо Белингтором, который задумчиво перебирал струны своей цистры и приободрился, когда энниец с ухмылкой что-то шепнул ему на ухо. Эти двое спелись. Было жаль их разлучать.

Сотница прочистила горло.

– Привет, красавцы, – хрипло обратилась она, рассматривая помятые рожи бойцов. – Лорд Грегор подкинул задачку, на выполнение которой потребуется двадцать человек.

Белингтор, почуяв интригу, встрепенулся:

– Добровольцы нужны?

– На этот раз без тебя, извини. Но я слушаю, если скажу, что не буду скучать.

Менестрель лишь хмыкнул и покачал головой. На собственный счет он иллюзий не питал – знал, что раз Артанна отказалась от его общества, то дело, порученное ей, в действительности требовало секретности. Он не был в обиде. В конце концов, в этой истории отчетливо прослеживался характерный душок политики, а раз так, то треплу вроде него места в ней не было.

– Нас не будет пару лун, – продолжила Артанна. – Большого сказать не могу.

– Кто пойдет-то? – моргнул темными глазами-бусинками Йон.

Ваграница нахмурилась и побарабанила пальцами по бедру.

– Десяток Дачса, Третий, Гуннар, Йон, Ове, Херлиф, Эсбен, Боргильд, Эйльве и... – она перевела взгляд с Везама на Джерта, – Медяк. Кого назвала – за мной. Прочие остаются под командованием Второго до моего возвращения. На этом все. Свободны.

Ваграница жестами поторопила выбранных бойцов и направилась к господскому дому. Наемники переглядывались, жали плечами, задавали вопросы вполголоса. Везам долго смотрел Артанне вслед, но когда Сотница обернулась и встретила с ним глазами, тряхнул седыми патлами и скрылся за сараем.

Шрайн поравнялся с ваграницой.

– Уверена, что стоит брать с собой эннийца?

– Я уже ни в чем не уверена, Малыш, – вздохнула Артанна. – Но не хочу оставлять его наедине с Везамом. Не знаю, с чего Молчун на него так взъелся, но стоит мне отвернуться, как дело начинает пахнуть мордобоем. Будет спокойнее, если я их разделю.

– Взять с собой Везама было бы логичнее. Это же Ваг Ран...

– Нечего ему там делать, – отрезала женщина.

Великан удивленно покосился на Артанну.

– Да что с вами случилось? – громче, чем собирался, возмутился он. – Ты дергаешься, как на иголках, он – злой как собака. Я, мать твою, Третий! Мне нужно знать, что творится в отряде.

– Случилось кое-что, после чего я не могу доверить ему свою шкуру. Расскажу позже.

Шрайн молча кивнул и более вопросов не задавал. Когда все собрались возле входа в господский дом, спустился эрцканцлер и пригласил бойцов «Сотни» войти. Воины Артанны с интересом разглядывали убранство нижнего зала.

Грегор уже ждал их, восседая на резном стуле с высокой спинкой. Рядом с герцогом расположился глава замковой стражи Кивер ден Ланге. Едва за вошедшими закрылись двери, Альдор кивнул лорду и занял место по правую руку от него.

– Двадцать человек. Как и условились, – выступила вперед Артанна.

Грегор внимательно всматривался в лица бойцов.

– Ты можешь за них поручиться?

– Если вы не доверяете моему выбору, отправьте тех, чья преданность не продается за серебро. Здесь – лучшие из моих людей, – холодно произнесла наемница.

Волдхард поднял руку, призывая Артанну замолчать.

– Подойдут. Они в курсе?

– Знают только мои Второй и Третий.

– Тем лучше, – Грегор поднялся, отодвинув стул с громким скрипом. – Альдор и Кивер все расскажут. Выдвигаетесь через два дня на рассвете.

Герцог кивнул на прощание и вышел. Артанна удивленно вскинула бровь, Альдор проводил взглядом герцога и, тяжело вздохнув, открыл папку, с которой, как начинало казаться наемнице, не расставался даже во сне. Сотница могла поспорить, что и самому барону затея герцога не нравилась, однако Альдор, в отличие от нее, имел достаточно благоразумия, чтобы не противиться воле Грегора. И, что было куда более ценно, он умел вовремя прятать язык в задницу. Качество, которое Артанна так и не смогла в себе воспитать.

– Итак, вашему отряду предстоит сопроводить гацонский караван, который проследует из Турфало в Амеллон через Ваг Ран, – начал барон. – Предполагается остановка в Рантай-Толле, которая займет пару дней. Нужные бумаги оформляются.

– Не длинноват ли путь? – нахмурилась Артанна.

– У купца Сефино Ганцо, увы, морская болезнь. Он предпочитает путешествовать по суше.

– К демонам лирику, Альдор! К черту караван! – не выдержала наемница и приблизилась к барону вплотную, вызвав тревогу у Кивера. – Хоть ты достань яйца и объясни моим людям, во что они будут впутаны!

Эрцканцлер выдержал ярость ваганийки и повернул голову к наемникам:

– Подойдите ближе.

Когда бойцы столпились возле него, Альдор захлопнул папку и скользнул по лицам людей Артанна, внимательно заглядывая каждому в глаза. Что он силился в них увидеть, Сотнице было невдомек.

– Недавно лорд Грегор заключил соглашение с одним видным ваганийским деятелем, – тихо проговорил барон. – Этот ваганиец попросил об услуге, которую, к сожалению, официально Эллисдор оказать не может. Однако вы – люди, не связанные обязательствами подобного рода – вполне подходите.

– Пахнет политикой. Ненавижу политику, – пробурчал Мальш.

– О, поверьте, мастер Шрайн, я тоже. Уверен – даже сильнее, чем вы, – покачал головой эрцканцлер. – Но в данной ситуации у нас с вами есть кое-что общее: наши чувства ничего не значат. И потому я позволю себе продолжить.

Великан недоверчиво покачал головой и молча отступил на полшага назад.

– Вам предстоит отправиться в Рантай-Толл. Поскольку присутствие больших вооруженных отрядов в Ваг Ране запрещено, ваша двадцатка попадет в государство, сопровождая купеческий караван. Он уже в Эллисдоре, выдвигается через два дня на рассвете, как и сказал лорд Грегор. На границе в Луброке вас будет ждать проводник, который сопроводит караван до самого Рантай-Толла. Он сам вас найдет. Когда доберетесь до места, вас встретят и введут в курс дела.

– Полагаю, мы там не хороводы будем водить? – спросил десятник Дачс, почесав рыжую бороду.

– Вы будете проливать ваганийскую кровь. Ваш отряд, возможно, поможет предотвратить большой заговор и наладить отношения между двумя государствами. Разумеется, плата за такую помощь будет более чем щедрой. Оплата золотом.

– Насколько рискованная затея? – это был Джерт. Артанна посмотрела на сосредоточенную физиономию эннийца и в очередной раз поразилась перемене: умел же этот ублюдок включать голову, когда хотел.

– Вся эта затея – один сплошной риск, – печально улыбнулся барон. – С того момента, как вы окажетесь в Ваг Ране, Эллисдор не сможет вам помогать. Вам придется сотрудничать с людьми нашего союзника и надеяться только на себя. Если что-то пойдет не так, мы вас не вытащим. Более того, Эллисдор будет отрицать любую свою причастность к этой истории.

Артанна невесело усмехнулась.

– Не сильно отличается от войны с рундами.

– В Ваг Ране хотя бы тепло, – пожал плечами Шрайн. – Жара-то костей не ломит.

Барон жестом призвал к тишине.

– Потратьте эти два дня с умом и подготовьтесь, как следует.

– И, разумеется, на вас не должно быть ничего, что выдаст принадлежность к войскам Хайлигланда, – добавил Ланге. – Сдайте все знаки отличия перед уходом.

– Само собой, – кивнула Артанна. – Некоторым бойцам придется воспользоваться услугами эллисдорских кузнецов. Но даже от самого лучшего меча не будет толку, если дело примет неожиданный оборот.

– И все же я надеюсь, что вы преуспеете, – Альдор ден Граувер посмотрел ваганийке прямо в глаза и понизил голос: – В случае неудачи я бы на вашем месте не возвращался.

2.2 Луброк

Если бы Артанну спросили о том, что смущало ее во всей этой истории, она бы, пожалуй, устала загибать пальцы.

Вопросов было много. Например, почему ваганийские советники бездействовали все те годы, что Артанна проторчала в Гивое и была легкой добычей? Почему Заливар нар Данш тридцать лет сохранял свою шкуру в безопасности, а сейчас испугался и лично прискакал в Эллисдор? И почему он не вышел с ней на связь раньше, если, как утверждал, являлся другом ее отца? Заливар был хорошо осведомлен о жизни Артанна – он четко дал это понять. Значит, следил за ней. Но зачем тогда возник именно сейчас?

Короче говоря, от этого задания за версту несло гнильцой.

Караван оказался вполне настоящим, а купец Сефино Ганцо – членом торговой гильдии Турфало и вполне приятным собеседником. Тяга к роскоши, казалось, поглотила этого человека целиком: тонкие вина и шелка, редчайшие пряности и самоцветы на столовых приборах. Баснословно дорогие украшения, изящные манеры – тому и другому мог позавидовать и вельможа. Но, что удивляло больше всего, Ганцо был любознателен и образован лучше большинства встреченных Артанной дворян. Общение с купцом доставляло ей удовольствие. Наемница не расспрашивала его об обстоятельствах соглашения, достигнутого между ним и Альдором, однако столоваться у богача не отказывалась. Кто знал, когда еще ей доведется полакомиться засахаренными фруктами и светской беседой, так напоминавшей вечерние разговоры с Гвири?

Она скучала по нему. Артанне было не впервой терять друзей, но смерть этого человека казалась ей пугающе бессмысленной. Да, она понимала, что со временем боль ослабнет, но легче от этого не становилось. С расхожей поговоркой о том, что время исцеляет, ваганийка была в корне не согласна. Лечили новые события, люди, проблемы и поиск их решений. С каждым днем боль слабела, стирались эмоции, оставляя лишь память об ушедшем друге. И чем больше наваливалось мелких проблем, тем легче становилось мириться с потерей. Исцеляли действия, а время... Ни хрена оно не лечило.

– Скажи честно, ты взяла меня лишь затем, чтобы пощекотать нервы Молчуну?

Артанна в упор уставилась на поравнявшегося с ней Джерта.

– Ты хороший боец, – чуть помедлив, ответила она. – Лишним не будешь.

Медяк закатил глаза и вздохнул.

– Неужели он имел неосторожность не угодить тебе в койке? – наклонившись к самому уху наемницы, спросил он.

– Следи за словами.

– Тогда изволь объяснить, – настаивал Джерт. – Почему ваганийцу, знающему язык, традиции и обычаи земель, в которые мы направляемся, ты предпочла компанию эннийского дятла?

– Иди к черту, – ответила командир и обреченно посмотрела Джерту в глаза. – Но ты ведь не отстанешь, верно?

– Не-а. Сама виновата. Лишила компании певуна, так что теперь мне некого доставать. К тому же, – энниец снова наклонился к ней и прошептал, – мне кажется, тебе нужно выговориться.

– И с чего ты решил, что я должна изливать душу именно тебе?

Медяк улыбнулся.

– Потому что из всего отряда, – он лениво обвел рукой бойцов, несших вахту по периметру каравана, – я единственный, кто не будет тебя осуждать, что бы ты ни сделала. Не имею морального права, да и желания. К тому же, пусть я и тот еще козел, но, как ты наверняка успела заметить, отнюдь не трепло.

С последним Артанна не могла не согласиться. Джерт любил потравить байки, мгновенно пронохивал о каждой попойке, легко очаровывал самых разных баб и был занозой в заднице любого командира. Но энниец ни разу не дал повода для подозрений в излишнем красноречии. Наедине он мог перейти границы, но дальше личного общения с Артанной это обычно не заходило.

И потому она все ему рассказала. В дне пути до Луброка, когда Ганцо умудрился снять едва ли не половину постоянного двора, Артанна спустилась в зал, заказала Медяку кувшин медовухи, а себе – воду и выложила всю историю о Веззаве, начиная с их знакомства в Рунд-каре и заканчивая визитом Заливара в Эллисдор.

И лишь закончив рассказ, Артанна осознала, насколько ей полегчало. Никаких камней с души не посыпалось, но дышалось свободнее.

– Еще не надумал меня осуждать? – выбив погасшую трубку на пол, спросила она.

– За что? – Медяк сделал глоток и со стуком поставил стакан на слегка покосившуюся деревянную столешницу. – Но, если тебе важно мое мнение...

– Нет.

Энниец пожал плечами.

– Понял. Заткнулся.

Наемница хотела было подняться из-за стола, но Джерт крепко схватил ее руку и заставил задержаться.

– Почему ты мне рассказала?

Она возмущенно уставилась на эннийца и узнала этот взгляд – внимательный, испытующий, не имевший ничего общего с ехидным прищуром заморского дурачка, которого зачем-то порой строил из себя Медяк. Так же он смотрел на того убийцу из «Рех Герифас». Такой же взгляд был, когда Грегор бросил его в темницу, и Артанна устроила допрос. Был же нормальным человеком, когда хотел.

– Потому что завтра мы окажемся во враждебном государстве, – выдержав его взгляд, устало сказала вагранийка и потерла глаза свободной рукой. – Мы будем предоставлены сами себе. Я ничего о тебе не знаю, но хочу доверять. И если моя откровенность поможет заручиться доверием – что ж, я готова поделиться парочкой секретов.

Энниец усмехнулся.

– Я бы прикрыл твою задницу и без этой исповеди.

– Я не могу требовать от тебя верности, Медяк. Прошу лишь не вгонять в мою спину нож.

Энниец молча кивнул и разжал пальцы. Артанна попрощалась и поднялась наверх – решила попытать счастья и попробовать выспаться перед выходом к границе. Джерт налил стакан медовухи и молча уставился на свои руки.

С каждым днем выполнять задание становилось все тяжелее.

* * *

Одной из особенностей достопочтенного Сефино Ганцо являлось его неумное чревоугодие. Купец из Турфало слепо шел на поводу у собственных гастрономических страстей, что заметно задерживало продвижение к Луброку. Прошло всего несколько часов с того момента, как караван покинул постоянный двор, а толстозадый гацонец уже велел остановиться, чтобы набить живот.

Один из слуг Сефино, назвавшийся то ли Энцо, то ли Энсо, отвлек Артанну от созерцания хмурых пейзажей и предложил ей составить компанию торговцу за трапезой.

– Неужели он думает, что мое присутствие способствует пищеварению? – спешившись, проворчала наемница.

– Понятия не имею, – Энцо оценивающе взглянул на ваграния и пожал плечами. – Лично у меня вы со своими головорезами, наоборот, отбиваете аппетит.

Услышав дерзкий ответ из уст слуги, ваграния усмехнулась.

– В таком случае радуйтесь, что вам недолго осталось нас терпеть.

Увидев Артанну, откинувшую полог шатра, Сефино Ганцо поднялся из-за стола и в приветственном жесте раскинул руки в стороны. В этот день его широкая физиономия по неведомой наемнице причине буквально лучилась радушием.

– А вот и наш главный гость! Энцо, предложи даме вина.

– Благодарю, синьор, – покачала головой Артанна. – Лучше воды.

– Вы не представляете, что теряете, – перешел на шепот купец. – Мне дорого стоило уговорить одного бельтерианского негодяя достать этот напиток из амеллонских подвалов Деватонов.

Сотница выдавила из себя улыбку.

– Охотно верю. Но свою бочку я уже выпила.

– Энцо, подай нашей гостье воды. Располагайтесь, Артанна.

Наемница опустилась на скамью и бегло осмотрела роскошное убранство шатра, ища правдоподобный повод удалиться. Гацонец мог позволить себе беспечно набивать брюхо прямо перед границей, она – нет. С самого утра Артанну разве что не трясло от беспокойства.

– Желаете печеных рябчиков? Холодного пирога с кореньями?

– Благодарю, я не голодна.

Сефино мастерски сыграл удивление.

– Как? Вам не нравится мой повар?

– У вас повар от бога. Но мне уже неловко злоупотреблять вашим гостеприимством. В конце концов, я всего лишь ваша временная спутница, навязанная волей его светлости.

Торговец отмахнулся.

– И оттого я еще больше дорожу вашим обществом. Лучшая приправа к любой трапезе – хорошая история. А у вас, насколько я могу судить, их должен быть целый сундук. Окажите честь – ответьте на несколько вопросов любопытного старика, прежде чем мы расстанемся.

Стариком, однако, Ганцо не был. Лишний вес и раскрасневшееся одутловатое лицо, безусловно, прибавляли ему лет, но больше сорока Артанна ему не дала бы.

– Хорошо, – достав трубку, сказала наемница.

Купец омыл руки и принялся за рябчиков, чей дивный медовый аромат щекотал ноздри.

– Расскажите мне о Руфале, – обратился Ганцо. – Какие легенды слагает о нем ваш народ?

Рука женщины застыла, не успев поднести чашу к губам.

– Этой историей пугают всех детей от Рундара до Эннии, – удивилась она. – Неужели вы о ней не слышали?

– Конечно, слышал. Более того, я знаком с разными версиями, – купец сделал глоток вина и блаженно улыбнулся. – Но никогда не имел удовольствия услышать ее из уст настоящего ваграния.

Артанну удивил его вопрос. Она полагала, что гацонец примется выпрашивать о шрамах, войне с рундами, о лорде Рольфе, наконец. Но ваграния никак не ожидала, что Сефино Ганцо окажется любителем древней истории.

– Это было слишком давно, синьор. Откуда мне знать, как обстояли дела на самом деле?

Купец отправил в рот тонкий ломтик вонючего сыра, отчего-то считавшегося деликатесом в Бельтере. Артанна отметила определенную тягу Ганцо ко всему бельтерианскому – то ли дань моде и партнерству с восточными негодяями, то ли в гастрономическом плане Ганцо просто был извращенцем. Ничем иным его привязанность к смердевшему тухлятиной сыру наемница объяснить не могла. Тем временем, этой вонью пропитался не только весь шатер, но даже одежда Сотницы.

– Разумеется, я это понимаю, – помедлив, сказал купец. – Однако дело в другом. Видите ли, я интересуюсь ваганийской культурой – изучаю мировоззрение, ценности, обычаи... Но, поскольку ваш народ крайне замкнут, мне приходится понимать его через отношение людей к уже известным событиям. Таким образом, фольклор стал для меня едва ли не единственным источником знаний.

– Вот оно что. Почему именно ваганийцы, синьор Ганцо?

Купец пожал плечами:

– Людям свойственно тянуться к неизвестному.

Наемница усмехнулась и подняла глаза на гагонца, ожидая новых вопросов.

– Руфал, определенно, был неоднозначной личностью, – рассуждал Ганцо. – И, без- условно, самым известным ваганийцем в истории материка. И потому мне интересно, какая память о нем живет среди его потомков.

– Не самая лучшая, как вы можете судить, – ответила Артанна. – Он умудрился стать первым и последним королем. Был возведен на трон и свергнут своим же народом – весьма красноречивая характеристика, не находите?

Ганцо хитро прищурился.

– Но все же он стал королем. Единственным – и это за всю многовековую историю госу- дарства!

– В Ваг Ране... Не любят идею единовластия, – осторожно ответила наемница. – Осо- бенно после правления Руфала.

– Но подумайте, какой же замечательной личностью он должен был быть, раз умудрился достичь таких высот.

Артанна заметила, что Сефино увлекся беседой не на шутку – настолько, что позабыл о недоеденной птице.

– Неоднозначной – уж точно, – ответила она. – Однако в Ваг Ране его имя проклято. Несмотря на все благие деяния и свободу от рундов, которую он дал людям, Руфала считают узурпатором, выжившим из ума под конец правления. К тому же, если судить по дошедшим до потомков записям, продавшего душу Арзимат в обмен на могущество.

– А что вы сами о нем думаете?

Наемница пожала плечами.

– С некоторых пор я предпочитаю думать только о живых, синьор Ганцо. От мертвых королей мне проку мало.

– И все же?

– У меня предвзятое отношение к этому вопросу. Едва ли я люблю рундов сильнее покой- ного Руфала, – Артанна многозначительно кивнула на исполосованную шрамами руку.

– То есть вы поддерживаете резню, которую он устроил?

– Как бы поступили на его месте вы, уважаемый синьор? Представьте: вы столетиями мирно живете на своей земле, но внезапно на ваш народ нападают чужаки. У вас отнимают все и превращают в рабов. Так проходят десятилетия. Но вдруг находится один отчаянный человек, которому каким-то чудом удается сплотить вокруг себя людей и вдохновить их на сопротивление. Как, по-вашему, синьор Ганцо, можно ли осуждать его за то, что он отвоевал свободу своего народа?

– Но, насколько я знаю, проклят Руфал был совсем не за это.

– Да, согласно легендам, он повелел построить в Рантай-Толле храм в честь Проклятой – якобы, и подарившей ему силу. Как по мне, пусть бы понатыкал этих храмов по три штуки в каждом городе, если бы это и дальше помогало сохранять порядок, – Артанна с улыбкой встре- тила удивленный взгляд купца. – Как бы то ни было, Руфала помнят именно за инакомыслие и зверства. Причина, полагаю, кроется в том, что нынче в Ваг Ране почитают Хранителя, а это

предполагает воинственное отношение к любому упоминанию обо всем, что было до принятия Пути. Меня же эти религиозные дразги не волнуют.

Переварив услышанное, Ганцо подавил отрыжку и жадно присосался к кубку.

– Крайне интересная позиция. Признаться, мне впервые довелось столкнуться со столь необычным взглядом на эту легенду, – купец жестом велел налить еще вина, и тощий Энцо тотчас очутился подле него с кувшином. – Скажите, Артанна, вы верите, что Руфал в действительности получил силу от самой Проклятой Арзимат?

– Я не верю в богов, синьор. Ни в хороших, ни в плохих, ни в проклятых. Думаю, что та великая сила, которая ему якобы досталась, не имела ничего общего с божественной сущностью.

– И кем же он тогда, по-вашему, был?

Ваганийка задумалась.

– Полагаю, очень могущественным колдуном, – наконец заключила она.

Гацонец вскинул кустистую бровь.

– Вот как?

– Это наиболее разумное объяснение. Мне кажется, что его сила просто долгое время спала и пробудилась лишь после того, как он испытал серьезное потрясение. В легендах говорится, что на глазах Руфала рунды вырезали всех его детей, и лишь после этого Арзимат, якобы, предложила ему, раненому и сломленному, сделку, – углубилась в размышления наемница. – Должно быть, эмоции, которые он испытал в тот момент, и стали толчком к выходу его силы. Кроме того, ничем иным я не могу оправдать столь значительную мощь, сосредоточенную в руках одного человека. Ведь, согласно легенде, он сдвинул горы, отрезавшие Ваг Ран от Рундкара, всего за одну ночь. Впрочем, история знает о деяниях великих колдунов еще со времен Древней империи – на эту тему написано множество трактатов, и последствия их свершений дошли даже до нас. Правда, лежат они в руинах. В такое объяснение я готова поверить, поскольку колдуны, хоть и редко, но все же рождаются среди людей. Но боги... Высшие сущности, обитающие одновременно повсеместно и нигде, обладающие силой, способной в одночасье решить судьбу целого материка... Нет, синьор Ганцо, это уже чересчур.

Купец взмахнул рукой, приказывая убрать птицу и принести сладости. Артанна подумала, что смогла несколько отбить у его аппетит.

– Я начинаю понимать, почему вы выбрали эту профессию, – проследив за ловкими движениями слуг, сказал гацонец. – Вас явно привело к этому излишнее свободомыслие. Ведь не жажда наживы, в самом-то деле?

– Увы, на кораблях женщин не берут, – усмехнулась ваганийка. – В пираты податься не вышло. Пришлось искать занятие на суше.

– Ваше стремление давать логичное объяснение непостижимым вещам вызывает уважение, – продолжил купец. – Мне, не буду лукавить, было приятно встретить столь критично настроенный ум. И потому я хочу дать вам совет, Артанна.

Наемница выпрямилась, пытаясь размять затекшую спину.

– Слушаю, – хрипло сказала она.

– Вы – не человек империи и не найдете себе места в землях, где сильна церковь: слишком широкие взгляды, чрезмерное упрямство, пытливый ум... К тому же еще женщина, ведущая жизнь мужчины, что необычно для этих мест, – Сефино Ганцо окинул Сотницу задумчивым взглядом и тяжело вздохнул. – Все мы ходим вокруг плахи, но вы, Артанна, буквально на ней пляшете. И потому рискуете оказаться либо на костре за ересь, либо на виселице за дерзость, которой правители не терпят.

– Ни один владыка не согласится терпеть дерзости от своих слуг, – наемница улыбнулась, но глаза ее оставались холодными. – Впрочем, у меня еще есть вполне реальная перспектива

принять смерть через отсечение головы за предательство. Хотя, вы правы, виселица гораздо вероятнее.

Взгляд купца помрачнел, и ваганийка поняла, что гацонец не шутил.

– Поверьте, за свою карьеру я насмотрелся на разные вещи. Судя по тому, что мне удалось вытянуть из этого хитреца-эрцканцлера, вы играете с огнем. И если вам удастся вернуться из Ваг Рана живой, умоляю, подумайте о том, чтобы покинуть Хайлигланд. В мире есть места, где вы еще сможете прожить хорошую жизнь: Энния, Таргос, южные острова... А у меня есть связи, которые могут быть вам полезны.

– Благодарю за совет, синьор, – Артанна резко поднялась на ноги, давая понять, что разговор окончен. – Но караван должен двинуться дальше, если мы хотим войти в Луброк еще сегодня. Давайте отложим нашу беседу до более подходящего момента.

– Обещайте, что подумаете над моими словами, – купец не отводил глаз от ваганийки, вызвав у нее недоумение внезапным беспокойством за ее судьбу.

– Непременно, – ответила Артанна и откинула полог. – Благодарю за ужин.

2.3 Миссолен

«Встреча с Ладарием в его официальной резиденции? Что-то новенькое. Неужели у Коллегии закончились тайные квартиры?»

Демос ковылял по скользкому полу дворца Великого наставника. Темные мраморные плиты стен были отполированы до зеркального блеска, и канцлер мог с легкостью рассмотреть в них свое отражение: всклокоченные, отросшие ниже плеч темные волосы, ошалевшие от торопливого подъема по множеству лестниц глаза, болезненная бледность, подчеркивавшая бугристые шрамы на лице.

«Экий я заморыш. Одевшись в рубище, буду напоминать бродягу-погорельца. Кажется, пора пригласить цирюльника, чтобы не пугать мою невесту раньше времени. Но едва ли это поможет – разве что он пришьет мне новую физиономию».

Эклузумский дворец впечатлял. Казалось, что каждый новый Великий наставник преследовал цель непременно затмить труды предшественников по части украшения этого места.

«Ладарий явно не щадил казны. Интересно, в какую сумму ему обошелся знаменитый Гранатовый кабинет? Чудо света – так о нем, кажется, говорят редкие счастливицы, увидевшие легендарную комнату воочию. Что ж, наконец-то я получил возможность приобщиться к прекрасному».

Неизменно молчаливый брат Ласий шел впереди, петляя, резко сворачивая то направо, то налево. На гладкой, словно яйцо, лысине старшего дознавателя Коллегии весело плясали солнечные блики. Ласий и Демос преодолели уже три крутых подъема, обогнули множество углов, пересекли череду залов, но путешествие все не заканчивалось.

Наконец, старший дознаватель свернул в широкий коридор, плавно перетекавший в вытянутый зал без окон. Помещение освещалось десятками ветвистых подсвечников, стилизованных под деревья высотой в человеческий рост. Стены скрывались за шкафами, хранившими сотни фолиантов. Но внимание канцлера привлекли не книги, а полки, занятые множеством шкатулок и ящичков разной величины – резных, костяных, деревянных, каменных. Одни были изысканно украшены самоцветами и редкими породами дерева, иные, наоборот, казались древними и грубыми.

– Что это? – спросил Демос, кивнув на один из таких шкафов.

– Реликвии, – не удостоив канцлера взглядом, отозвался монах.

«Наверняка какие-нибудь высохшие конечности первых последователей Пути, истлевшие деревянные четки, почерневшие от времени символы веры. Беспольный хлам баснословной ценности».

Брат Ласий остановился перед крутой лестницей, по циничной задумке неизвестного архитектора не оборудованной перилами. Канцлер насчитал около пяти десятков стесанных ступенек. У подножия дежурили караульные из Ордена.

– Прошу, лорд Демос, – тихо сказал монах, задрав голову вверх и глядя на массивную дверь, – Его Святейшество ждет.

Деватон крепче ухватился за трость и принялся карабкаться по лестнице. Забравшись на самый верх, он, не обременяя себя правилами приличия, без стука потянул золоченое кольцо. Дверь легко поддавалась. Войдя в кабинет, Демос обомлел.

«Провалиться мне на месте, если я видел что-либо прекраснее этого».

Гранатовый кабинет восхищал элегантностью. Строгие линии колонн и прямоугольных оконных рам составляли единый ансамбль, не отвлекая взгляд от инкрустированного несколькими оттенками красного мрамора пола. Мозаичные гранатовые панно – по одному на каждой из боковых стен – гармонично перекликались с полом, заставляя всматриваться в узоры, искать новые детали, восхищаться этим произведением искусства снова и снова. Кабинет не изоби-

ловал мебелью: главным акцентом служил изысканный письменный стол из красного дерева. Извивающиеся, точно лоза, подсвечники были украшены золочеными листьями и гроздьями винограда, мастерски выполненными из драгоценных камней. Возле стола манили мягкостью два обитых темно-красным бархатом кресла, одно из которых, положив руки на подлокотники, занимал Великий наставник. Другой мебели в Гранатовом кабинете не предполагалось.

«Ладарий несколько портит интерьер».

– Вижу, вам пришлось по душе моя фантазия на ваганийский манер, – улыбнулся Великий наставник, поднимаясь навстречу Демосу.

Канцлер с трудом опустился на колени и поцеловал серебряный диск церковника.

– Присаживайтесь, ваша светлость, – Ладарий с улыбкой указал на свободное кресло по другую сторону стола. Оскал Великого наставника, однако, излучал тепла не больше, чем горный ручей.

– Чем я обязан сегодняшнему приглашению? – перешел к делу Демос. – Признаюсь, оно застало меня врасплох. Настолько, что пришлось срочно покинуть заседание Малого совета.

Взгляд Ладария похолодел еще сильнее.

– Точно так же меня застала врасплох ваша помолвка.

«Ах, вот оно что!»

– Не думал, что у вас есть причины не одобрять этот союз.

Великий наставник сверкнул глазами.

– Вы не просили моего благословения.

– Насколько мне известно, благословение Великого наставника требуется лишь в том случае, когда будущие супруги являются родственниками, – глядя церковнику прямо в глаза, ответил Демос. – Или же в случае, когда женится сам император. Поскольку я таковым не являюсь, а леди Виттория не приходится мне родней, ваша реакция кажется, по меньшей мере, неуместной.

«Интересно, можно ли наговорить дерзостей Великому наставнику и остаться в живых? Вот и проверим».

– После отлучения от церкви Грегора Волдхарда вы остались основным претендентом на трон. А это налагает определенные ограничения.

Демос изобразил удивление:

– О, так где же об этом сказано? Кто-то делал заявления о моем новом статусе? Готовится коронация?

– Все и так прекрасно это осознают.

Канцлер расслабленно откинулся на мягкую спинку кресла.

– Нет, ваше святейшество, – блаженно вздохнув, сказал он. – До тех пор, пока Эклузум или Малый совет не сделали соответствующего заявления, подобные догадки ничего не стоят.

– Так вы пытаетесь заставить меня объявить вас новым императором?

– Если вы сами сказали, что я остался единственным кандидатом, то отчего же медлите?

Церковник возмутился:

– Во имя всего святого, Демос! – повысил голос он. – Дайте империи перевести дух! Ведь только что имперские земли сотрясла новость о предательстве Волдхарда и его женщины!

Деватон равнодушно пожал плечами.

– Погибшей женщины, а убийстве которой Грегор Волдхард отчего-то обвиняет меня, – уточнил он. – Но мы отвлеклись. Рано или поздно вам придется объявить преемника. Я не рвусь надевать тиару, однако стану императором, если у меня не будет иного выхода. И все же до тех пор, пока мое имя не прозвучало в указе о преемственности, я считаю себя вправе распоряжаться собственной жизнью самостоятельно.

– Но почему Виттория?

– А почему вас это удивляет? – резко спросил Демос.

– Вы могли выбрать одну из дочерей Серхата или Брайса Аллантайна. Быть может, даже одну из принцесс Таргоса!

«Благодарю, избавьте. Меня уже тошнит от Таргоса».

– И все же, – Деватон хрустнул пальцами, – Виттория Аро.

Ладарий театрально закатил глаза к потолку.

– Святые угодники! Почему?

– Она симпатичная! По ряду причин, разумеется. Дочь правителя Гацоны, – Демос загнул первый палец. – К ней прилагается баснословное приданое, – второй палец. – Достигнуты договоренности о взаимопомощи Бельтерианского и Гацонского банков, – третий палец. – Утверждены взаимные льготы на ведение торговли для гильдий, – четвертый палец. – В перспективе – укрепление флота, – загнул пятый палец Демос и показал Ладарию кулак. – И я еще не сказал о самом главном.

Ладарий подался вперед, не сводя глаз с канцлера.

– Нейтралитет Гацоны на случай, если Грегору Волдхарду вздумается направить копьё на Миссолен, – улыбнулся Демос и потряс вторым кулаком.

– Он не дурак, – скривился Великий наставник. – Вряд ли ваш кузен решится на подобное.

– Возможно, и не дурак. Но герцог зол на Эклузум, а меня и вовсе обвиняет во всех смертных грехах. Важнее то, что сестра лорда Грегора Рейнхильда помолвлена с Умбердо Гацонским. Полагаю, мой кузен захочет извлечь выгоду из этого союза. Кто знает, чего он может потребовать от наших западных друзей? Флот? Ссуду? Армию?

– Вы параноик, Демос.

– Я – канцлер империи, – отрезал Деватон. – Паранойя – единственная причина того, что я все еще жив. Вы понимаете, что это не просто брак представителей двух влиятельных Домов? Это союз не Деватонов, но всей империи с Гацонной. Я хорошо знаю Энриге – он не будет разрываться между двумя детьми и их супругами. Его величество просто выйдет из игры, чего я и добиваюсь.

– Но и вы не получите ничего, – заключил Ладарий.

– Это совсем другое «ничего», – Демос кивнул на все еще сжатую в кулак ладонь. – Торговые связи – вот что мы получим. А это деньги. Блестящее манящее золото. Странно, что мое решение вызвало у вас вопросы.

– Ваше самодурство вызвало у меня вопросы! – взвизгнул Ладарий. – Как вы могли принять столь серьезное решение, не спросив разрешения у Великого наставника?

«Что-что, простите? Ты за кого меня держишь, чертов кукловод?»

Демос медленно поднял голову и, не мигая, уставился церковнику прямо в глаза.

– С каких пор канцлер империи должен спрашивать разрешение у Великого наставника в делах, не касающихся церкви? – вкрадчиво спросил Деватон.

Великий наставник смерил его ледяным взглядом, капризно поджал губы и замолчал.

«Усилю-ка я охрану. На всякий случай».

– Ладно, лорд Демос. Сделанного не воротишь, – вздохнул Ладарий и наполнил украшенную россыпью гранатов чашу густым темным вином. – К тому же, приглашая вас сюда, я хотел обсудить совершенно иной вопрос.

«А это мы, значит, так мило беседуем, да? “Его душнейшество” меня убивает».

– Я слушаю, – сухо ответил канцлер.

«А чашу гостю? Ладарий что, учился этикету у свинопасов?»

Сделав пару маленьких глотков, Ладарий водрузил кубок на стол и потянулся к толстой папке. Перебрав несколько листов бумаги, он вытащил один и положил перед собой.

– Помните, на суде леди Адаль упомянула некоего брата Аристиды?

– Разумеется.

«Чем несказанно тебя удивила. Меня очень впечатлил тот спектакль».

– Вы знаете, кто этот человек?

«Монах, преследуемый за желание сделать религию ближе к людям. Полиглот, умудрившийся перевести Священную книгу на несколько языков. Обвинен в ереси и отлучен от церкви за инакомыслие. И он такой не один: еретических ячеек много. Взять того же брата Альбумуса – аскета и поборника праведности, врага искусств и музыки».

– Понятия не имею, ваше святейшество.

– Не удивительно, что вы не слышали об Аристиде, – задумчиво кивнул Ладарий. – Эклузум... старается умалчивать о деяниях этого человека.

Демос изобразил интерес и для пушей правдоподобности нетерпеливо поерзал в кресле.

– Что же он наделал?

– Еще будучи преподавателем университета, Аристид начал подвергать сомнению фундаментальные основы нашей веры. В частности, он утверждал, что наставник – не обязательный посредник для общения человека с богом.

«А с ним нужно общаться?»

– Дерзкое заявление, – покачал головой Демос.

– Дальше – хуже, – продолжал Ладарий. – Со временем брат Аристид создал целый перечень устаревших, как он утверждал, догматов. Он публично выступал, призывая наставников отказаться от проведения ритуалов и таинств, а затем и вовсе стал утверждать, что Священная книга должна изучаться чернью, для чего начал переводить ее на другие языки.

«Вполне разумный подход. Этот брат Аристид мне уже нравится. Если бы я сохранял веру в Хранителя, то думал бы в том же направлении».

– Действительно, скандальное поведение, – выгнул бровь Демос и перешел на громкий шепот. – Похоже на ересь!

Ладарий нервно забарабанил пальцами по столу.

– Ересь и есть. Ему предлагали отречься от своих убеждений, но Аристид отказался. Тогда Эклузум был вынужден отлучить его от церкви. Ему вынесли смертный приговор, однако мятежник умудрился сбежать на юг. В Эннии церковь не имеет должного влияния, поэтому через некоторое время след монаха потерялся. Прошли годы, и внезапно на суде выясняется, что этот брат Аристид спокойно разгуливает по Эллисдорскому замку!

«Что вполне объясняет странное поведение моего кузена. Если, конечно, это именно тот монах».

– Полагаете, он дурно влияет на лорда Грегора?

– Как же иначе? – искренне удивился Ладарий. – Волдхарды всегда слыли праведниками. Образцовое служение Хранителю многими поколениями! Даже сам лорд Грегор поначалу показался мне человеком, преисполненным благочестия. Но, Демос, заметьте: после возвращения домой, где как раз гостил брат Аристид, он переменялся. Полагаю, герцог перестал отвечать на мои письма, поддавшись влиянию этого еретика. Кто знает, что он ему нашептывает прямо сейчас?

Демоса забавлял испуг, притаившийся в глазах церковника.

– Вы так боитесь одного монаха? – с недоверием спросил он.

– Вы не представляете, на что он способен! За ним могут пойти тысячи.

«Да ты боишься! Хранитель милосердный, как же приятно! А ведь идеи этого Аристида действительно здравые. Стоит черни хорошенько это уяснить, и твоя власть рухнет».

– И вы считаете, что корень наших проблем с Хайлигландом произрастает из деяний этого человека?

Ладарий кивнул.

– Других причин я не вижу. Более того, Грегор Волдхард дорожит им, – церковник выдвинул один из ящиков стола, достал оттуда свиток и швырнул его Демосу. – Смотрите сами. Я

написал это письмо, предлагая герцогу прощение и возвращение в лоно церкви в обмен на выдачу брата Аристиды Эклузума.

Канцлер развернул свиток и быстро прочел короткий ответ.

«У моего кузена хотя бы есть мужество, чтобы послать зарвавшегося церковника подальше. Быть может, и мне стоит попытаться?»

– Вижу, ваши увещания цели не достигли, – подавив довольную улыбку в уголках рта, заметил Демос.

– Именно. Вопрос с Волдхардом я решу – есть еще варианты. Но у меня есть просьба к вам лично.

– Какая же?

Ладарий подался вперед и понизил голос:

– Я осведомлен, что под вашим началом действует целая гильдия шпионов и убийц. Высококласных – иного я от вас не ожидал.

«Как интересно».

– Шпионы? У меня? Вы за кого меня принимаете?

Церковник устало взглянул на гостя поверх чаши.

– Лорд Демос, право слово, не стоит. Вы знаете, я знаю, все знают...

– Я не держу шпионов! Мне оказывают услуги люди, искренне верные короне, – уточнил Демос.

– Ах, да... А эти ваши патриоты могут оказать услугу и мне? Верны ли они Хранителю?

– Зависит от того, чего вы хотите.

– Голову брата Аристиды.

Демос положил локти на стол и с сомнением посмотрел на церковника:

– Почему бы вам не отправить за ней своих людей? Я тоже прекрасно осведомлен о мастерстве лазутчиков Ордена.

– Я не хочу впутывать в это Орден.

«А меня, значит, можно? Наместник бога на земле – просто фантастически двуличная скотина. Сколько еще дерьма я должен разгребать вместо тебя?»

Демос робко улыбнулся и развел руки в стороны:

– Прошу извинить, ваше святейшество, но гильдия, которую я спонсирую, не ведет дел с церковью. Пожалуй, это единственное ограничение, которое она строго соблюдает.

– Уговорите их передумать, – настаивал Ладарий. – Всего один раз.

«Пошел к черту».

С наигранным сожалением канцлер покинул мягкое кресло и крепче схватился за трость, распрямляя ноги в коленях.

– Это невозможно, – ответил он. – Боюсь, мы не сможем помочь.

Ладарий замолчал, взвешивая слова. Демос повернулся и медленно заковылял к выходу, бросив последний взгляд на великолепное мозаичное панно.

– Я завтра же объявлю вас следующим императором и назначу дату коронации, если вы согласитесь, – раздраженно выпалил Ладарий.

Канцлер обернулся.

– Увы, ваше святейшество. Это ничего не изменит. Моя гильдия не работает с церковниками. Никогда.

– Вы понимаете, что теряете, отказывая мне сейчас? – рявкнул Великий наставник, резко поднявшись на ноги и едва не уронив кресло.

Деватон обернулся.

– Разве я что-то теряю? – насмешливо улыбнулся он. – Вы сами сказали, что я остался единственным кандидатом на трон. Рано или поздно вам придется назвать мое имя. Мне некуда торопиться – наоборот, я рад проволочкам. У меня на носу свадьба – вы же понимаете, как

много сил отнимает подготовка к подобным церемониям... Всего хорошего, ваше святейшество.

Оставив Великого наставника возмущенно глотать воздух, Демос вышел. Когда тяжелые створки захлопнулись с тихим шелчком, а золоченое кольцо-ручка мелодично звякнуло, Демос набрал в легкие побольше воздуха и, не удержавшись, хихикнул.

«Стоило того. Стоило того!»

2.4 Луброк

Луброк застрял в промежуточном состоянии между разросшейся деревней и небольшим городком, единственной ценностью которого была непосредственная близость к Тоннелю. Обитали здесь преимущественно хайлигландцы, хотя и ваганийская речь была слышна довольно часто: проводники искали клиентов на площадях, в крупных тавернах и возле заставы. Изредка встречались гагонцы и имперцы, следовавшие через Ваг Ран на ярмарки.

Восточной окраиной Луброк наползал на серые лесистые горы, а западной – развалился в сырой долине. Возле прохода к Тоннелю располагался пост хайлигландской охраны, а чуть поодаль – ваганийские укрепления. Хайлигландцы, не имея особых забот, следили за соседями, писали рапорты и скучали, поигрывая в ульпу на медяки да развлекаясь с размалеванными шляхами. Служивые же из Ваг Рана, напротив, ежедневно с головой закапывались в путевые листы, разрешения на проход и книги учета.

Строгость пропуска через границу казалась феноменальной. Каждый караван подлежал описи, каждого купца обязывали заплатить пошлины на проход и право вести торговлю на территории Ваг Рана. Всякий человек в свите, будь то партнер или слуга, вельможа или колченогий босьяк, был учтен, записан и досмотрен.

Все это заставляло Артанну нервничать. Разумеется, ее не узнали бы – для ваганийки выглядела она вполне заурядно. Шрамы наемница тщательно скрыла под одеждой, браслет – затолкала под перчатку, а волосы заплела в тугую косу и откинула назад, перевязав голову шарфом на эннийский манер. Впрочем, все внимание окружающих приковывала расфуфыренная повозка синьора Ганцо, а на наемников, как и рассчитывала Артанна, никто не заглядывался.

Стояла тяжелая духота, словно небо обещало в ближайшее время разразиться грозой. Сильный ветер трепал кроны приткнувшихся к обочине деревьев и знамена над хайлигландской заставой. Караван Ганцо медленно подполз к границе и занял место в конце очереди желающих испачкать подошвы прахом ваганийского бытия.

Артанна сделала несколько шагов в сторону, оценила растянувшуюся колонну и разочарованно вздохнула:

– Проторчим здесь до обеда.

Шрайн почесал огромной пятерней невытую шею и мрачно уставился на лениво передвигавшихся пограничников.

– Может, кому на лапу дать? – проворчал он. – Ждать уже мочи нет. Как говно в проруби, ей богу. Может твой купец хоть как-то пропихнуть нас поближе?

Наемница покачала головой.

– Было бы неплохо для начала узнать, где носит проводника, которого обещал Данш.

Артанна спешила и, привязав коня, обогнула ряд повозок, чтобы внимательнее осмотреться. Они стояли аккуратно напротив главной площади, где некоторые торговцы, не желая тратить время попусту, разворачивали лотки и предлагали товары. Народу столпилось прилично – сезон ярмарок почти наступил. Артанна обошла площадь, игнорируя крики зазывал. Она надеялась быстро смешаться с толпой, но вдруг почуяла на себе пристальный взгляд и медленно обернулась.

Чутье ее не обмануло. В нескольких шагах от наемницы, скрестив руки на груди, стоял рослый седой ваганиец и, не мигая, сверлил ее взглядом. Светло-голубые, как зимнее небо, глаза почти терялись на фоне красноватых белков. Смотрел он оценивающе, скривив отмеченный уродливым шрамом рот, что шарма его роже несколько не прибавляло. Одет ваганиец был по-походному, а на поясе болтались ножны от короткого клинка, наполовину скрытые добротным дорожным плащом. Артанна могла поклясться, что за все время, пока этот человек на нее пялился, он ни разу не моргнул.

– На что уставился? – наконец, проворчала она и положила руку на пояс поближе к оружию. Мало ли что.

Ваграницец подошел ближе.

– Меня прислал Заливар, – не отрывая от нее своих жутковатых глаз, ответил он. – Я должен сопровождать ваш караван.

– Вовремя объявился.

– Я жду уже три дня.

– Значит, потерпишь еще денек. Очередь видел?

Проводник даже не взглянул в сторону заставы.

– Я это улажу, – сказал он. – Проводи меня к купцу.

– Как тебя звать-то?

– Гуташ. А ты, когда на границе спросят, назовись Акшей из Тал-Айора.

Артанна пожала плечами.

– Хорошо. Пойдем.

Она познакомила проводника с Ганцо, пришедшим в восторг от общества еще одного живого ваграницейца. Выяснилось, что Гуташ не сидел все это время без дела и успел подсушиться на обеих заставах. Хайлигландцы согласились пропустить целый караван без очереди за скромный кошелек серебра, ваграницейцы же получили таинственную услугу иного рода. За все платил Заливар нар Данш. И, судя по всему, платил очень щедро.

Заполненные бумаги были у Гуташа на руках, и Ганцо оставалось лишь вписать имена своих людей. Пока Энцо занимался канцелярской работой, скукожившись над ходившим ходунным общим столом возле рынка, Артанна отвела проводника в сторону.

– Что велел говорить Заливар, если меня остановят? – спросила наемница.

– Не останавливай.

– И какого рожна ты в этом так уверен?

Гуташ снова, не моргая, уставился на Артанну.

– Все решено и предусмотрено, – медленно сказал он по-ваграницейски. – На выходе из тоннеля нас будут ждать люди господина. Они позаботятся, чтобы ни у кого не возникло неудобных вопросов.

Сотницу это не убедило.

– Каким же образом?

– Караван дойдет до Рантай-Толла под знаменами Дома Данш. У Сефино Ганцо будет не просто разрешение на торговлю, а приглашение на столичную ярмарку. Никто не посмеет привязаться. Прикажи своим людям помалкивать, да сама не дури – и все пройдет тихо. До Рантай-Толла дойдете вместе с караваном, затем разделитесь. Куда пойдете – скажу позже.

Артанна пожала плечами.

– Говоришь складно, – сквозь зубы произнесла она.

– Я очень хороший проводник, женщина, – раздраженно ответил он и, развернувшись, направился напрямик к Ганцо, в тот момент давшего смачный подзатыльник своему слуге. Энцо покачнулся на скамье, едва не опрокинул чернильницу, но умудрился не поставить ни одной кляксы на документе – опыт брал свое.

Едва все формальности были улажены, караван двинулся к тоннелю, освещенному дрожащим светом масляных фонарей и факелов. Позади раздавались возмущенные возгласы менее везучих путников и торговцев, но Ганцо лишь презрительно произнес что-то по-гагонски и отдал наемникам приказ пошевеливаться.

Бойцы Артанна, как и было приказано, прикусили языки. Расшумевшиеся было гагонцы тоже заткнулись, оказавшись под впечатлением от окружавшей их со всех сторон мощи древних гор, согласно преданиям, заставших времена, когда боги еще топтали своими благословенными пятками эту брентную землю.

В замкнутом пространстве Тоннеля Артанна чувствовала себя неудобно. Узкая каменная кишка, провонявшая сыростью и вечностью, скорее угнетала, нежели вызывала у нее благоговение. Гуташ молча шел впереди. Джерт о чем-то вполголоса говорил со Шрайном – наемница не могла расслышать. Даже сам купец, казалось, приуныл.

Наконец, когда в самом конце забрезжил яркий свет, караван воспрянул духом. Люди ускорились, предвкушая освобождение и простор. Становилось жарко – климат в Ваг Ране отличался от хайлигланского мягкостью и высокой влажностью. Впрочем, древние легенды свидетельствовали о том, что в местах, где ныне круглый год плодоносили капризные фруктовые деревья, некогда лежали снега. Поговаривали, что здесь потеплело после правления Руфала – дескать, он не только сдвинул горы и отгородил Ваг Ран от рундов, но и над погодой поработал.

Выйдя наружу, наемница сильно пожалела о том, что замоталась в тряпье с головы до ног – стояла поистине адская жара. Гуташ, не говоря ни слова, исчез в кустах. Должно быть, справлял нужду. Артанна смотрела на хвост каравана, наконец-то выползший из Тоннеля, и, убедившись, что все благополучно преодолели переход, вытерла рукавом проступивший на лбу пот и прильнула к меху с водой.

– Вот чего мне не хватало в драном Хайлигланде! – Джерт с наслаждением потянулся и подставил лицо бледному солнцу, проглядывавшему сквозь плотное марево. – Каждый, мать его, день я промерзал до костей. Каждую ночь искал способы согреться. Чтоб меня, как же я скучал по теплу!

Сотница бросила на него косой взгляд – сама она давно отвыкла от ваганийской жары и сейчас не могла в полной мере разделить восторг эннийца.

Однако и ему очень скоро стало не до того. Едва караван перевел дух, из-за скалы показался их проводник. Гуташ привел отряд из трех десятков ваганийцев, на темно-синих знаменах которых красовался герб Дома Данш – хитроумный орнамент, свернувшийся кольцом.

– Ну что, началось? – ухнул Шрайн.

Артанна вздохнула, уставившись на людей Заливара.

– Добро пожаловать в Ваг Ран, ребята. В самый загадочный и таинственный край материка, где в избытке интриг, изощренной мести и красивых баб, – тихо сказал она. – И, зуб даю, все будет не так, как нам кажется.

3 глава

3.1 Рантай-Толл

– Хватит пялиться! – прошипела Артанна и грубо ткнула Шрайна локтем. – И так привлекаем внимание.

Третий с трудом оторвался от созерцания городских пейзажей, тряхнул головой и повернулся к командиру.

– Никогда не видел ничего подобного, – пробасил он. – Неужели все это создано руками человека?

Артанна кивнула в сторону храма, так впечатлившего великана – отполированные до зеркального блеска каменные панели, резные барельефы, статуи героев, выполненные столь искусно, что казалось: в следующий момент они оживут. Шедевр вагранийского зодчества смог пронять даже такого грубого вояку, как Шрайн.

– Построен пару столетий назад, ага. Но, поверь, этот скромный новодел уступает тому, что ты увидишь дальше, – Артанна сурово посмотрела на Третьего. – Не давай этому великолепию себя очаровать. Советники возвели эту ширму вдоль тракта, чтобы сбивать людей с толку. Не забывай, здесь сдирают с купцов пошрины, и приток торговцев – прямой интерес Шано Оддэ. Какой бы закрытой страной ни была Ваг Ран, извлекать выгоду из ее удачного расположения местные умеют очень хорошо. Купцов привлекают на все лады: безопасные дороги, надежная охрана, возможность вести дела в Рантай-Толле, разнообразный... досуг.

Шрайн ухмыльнулся, услышав непривычно деликатную для уст Артанны формулировку.

– И почему тутешние шлюхи?

Наемница тихо рассмеялась.

– Веришь – нет, как-то не интересовалась. Уверена, для важных гостей вино и девочки бесплатны, но мы-то с тобой люди попроще. Так что закатай губу и прекрати глазеть на ваграниек. За это здесь можно и сталью получить.

– Понял, – вздохнул великан. – И все же... Должен же здесь быть зланный квартал. Это же, мать ее, столица!

Артанна закатила глаза.

– Мертвые боги, Шрайн! Ты же семейный человек!

– С твоей легкой руки семью я в последний раз видел в позапрошлом году, – в голосе Третьего не было упрека, но Артанна все равно почувствовала себя виноватой. – Я – мужчина! У меня есть потребности! А все сам, ручками, как монах-недоросль! Тут хоть экзотика – вагранийские бабы.

– На меня, значит, за столько лет не посмотрелся? – наемница недоверчиво покосилась на великана.

Великан небрежно отмахнулся, угрожая сбить огромной лапицей каменную горгулью, прилепленную к стене храма.

– Ты – другое дело. Как о тебе рунды говорили – «меч-баба»? То-то и оно. Так что имей в виду: коли выдастся возможность отдохнуть, я развлекусь по полной.

Артанна сокрушенно покачала головой. Вот уж чего она не ожидала, так это того, что пагубное влияние Джерта доберется и до Третьего. Или же Шрайн просто чувствовал неумолимое приближение старости и старался наверстать упущенное. Как бы то ни было, наемница не думала его осуждать. И потому она молча сунула Шрайну в карман небольшой кошелек с серебром.

* * *

Под предводительством Гуташа караван преодолел половину Рантай-Толла, поражавшего своей непохожестью на большинство городов материка. В столице Ваг Рана главенствовала четкая планировка: улицы были прямыми и широкими, а кварталы представляли собой аккуратные квадраты и прямоугольники.

Город опоясывали несколько рядов темных крепостных стен с высокими башнями. Кое-где можно было заметить увенчанные блестящими кругляшками тонкие шпили Святилищ, расположившихся в хаотичном порядке во всех районах. Иные кварталы напоминали небольшие крепости – то были резиденции Домов, входивших в Совет. Проезжая мимо здания, некогда принадлежавшего семье Толл, Артанна с удивлением отметила, что за стенами бывшей резиденции кипела жизнь.

Сефино Ганцо о чем-то громко разговаривал со своим слугой. Перехватив взгляд Артанн, неумный гацонец знаком поманил ее к себе.

– Чем могу служить? – устало спросила она, подъехав ближе к купцу.

– Ах, Артанна, – сокрушенно покачал головой гацонец, – так жаль, так жаль... – наемница непонимающе уставилась на Ганцо. – Скоро мы распрощаемся.

– Ваш слуга не очень-то сожалеет, – пожала плечами Артанна. – Он утверждает, что вид моих парней отбивает у него аппетит. С учетом его и без того сухой комплекции, продолжительная компания моих ребят может довести Энцо до истощения. Не хотелось бы досаждать бедняге.

Гационец покосился на ехавшего рядом слугу. Тот хранил невозмутимое молчание.

– И все же мне жаль, что наше расставание произойдет так скоро.

– Я буду скучать по нашим беседам, – призналась наемница и с удивлением для самой себя отметила, что говорит искренне.

Наконец караван остановился. Сефино Ганцо спешился, то же проделала наемница.

– Удачи, Артанна, чем бы вам ни предстояло заниматься в этом опасном месте, – печально проговорил купец.

– И вам, синьор.

Артанна взяла коня за поводья и хотела было присоединиться к своим бойцам, но внезапно купец порывисто заключил ее в объятия. Ганцо торопливо затолкал что-то в карман куртки Артанн.

– Помните о моем совете, – прошептал он ей на ухо, не отпуская хватки. – У моей гильдии есть представительства в четырех городах Эннии. В какое бы вы ни пришли – в Сифаресе, Даджирате, Ладумесе или Луджидде – покажите бумагу, что у вас в кармане. Вам помогут.

– Спасибо, синьор, – хрипло ответила наемница, пытаясь отстраниться.

– Прощайте, Артанна.

Сефино Ганцо резко опустил руки и, развернувшись, ушел прочь, на ходу подозвав Энцо. Как только они возглавили караван, процессия торговцев снова пришла в движение.

Гуташ, как всегда, подошел со спины, но Артанна уже научилась слышать его приближение и обернулась на тихий звук шагов.

– Если ты закончила рыдать, собирай своих – и пойдем, – сказал проводник и жестом приказал следовать за ним.

* * *

Гуташ открыл покосившуюся дверь. Артанна взглянула в полутемное помещение – выдавшая виды двухэтажная деревянная постройка, нижний ярус которой занимало простран-

ство, похожее на обеденный зал. Наверх вела лестница, прочность которой не вызывала доверия. Все деревянные конструкции прогнили, пол местами проваливался. Запахи старой мочи и кислого пива придавал антуражу неповторимый лоск.

– Что это за сарай, мать твою? – вырвалось у Артанны.

Как ни в чем не бывало, проводник зажег несколько факелов на стенах.

– Обычно это место закрыто, но используется, когда нужно ненадолго спрятать кого-нибудь подальше от лишних глаз. Вас ждет господин. Возьми троих, остальные подождут здесь.

Артанна недоверчиво переглянулась с бойцами.

– Дачс, Шрайн, Джерт – со мной.

– Я? – удивился Медяк.

– Да. Держи свои ножички поближе, – шепнула ему на ухо вагранийка. – Мало ли что.

– Уже.

Дачс и Шрайн раздали распоряжения оставшимся в доме бойцам, а затем вместе с Артанной и эннийцем направились к двери.

– Не сюда, – предостерег их Гутап. – За мной.

Он повел их мимо стойки в коридор, заканчивавшийся тупиком. Там Гутап остановился и принялся возиться с плохо приколоченными досками. Он отодвинул несколько широких деревяшек так, что в образовавшийся проход смогли втиснуться все – даже Третий, но бочком. К удивлению наемницы, проводник указал на добротную, но очень старую каменную лестницу, уходящую вниз.

– Неужто не слышали рассказов о том, что весь Рантай-Толл опутан подземными ходами? – усмехнулся проводник.

Наемница озадаченно смотрела по сторонам.

– Не думала, что один из них ведет сюда.

– Много лет назад на этом месте стояло каменное здание, но потом его разобрали. Сейчас это один из нескольких путей, позволяющих выбраться из центра города, не привлекая лишнего внимания.

– Выходит, все ходы связаны друг с другом? – спросил Джерт.

– Не все, но некоторые пересекаются. Какие-то завалило – работа велась еще при Руфале, а после той войны полгорода было разрушено. Восстановили не все.

Шрайну явно не нравился оборот, который приняло это дело.

– Чую, мы воспользуемся этой системой не единожды.

– Возможно, – кивнул Гутап. – Шевелитесь.

Мощная комплекция Шрайна не позволяла распрямиться. Артанна почти доставала макушкой до потолка и инстинктивно сутулилась. Тихо ворчал под нос Дачс. Джерт не пророчил ни слова. Веяло сыростью и холодом – обычное дело для таких мест. Пламя факела выхватывало из темноты куски стены – покрытые влагой и плесенью шершавые камни, тщательно подогнанные друг к другу на стыках. Наемники то и дело вступали в лужи. Иногда к топоту шагов присоединялся крысиный писк. Вдалеке капала вода. Сколько они шли, Артанна уже не понимала, однако ее ноги начинали уставать. Наконец, в конце коридора показалась другая лестница. Ступени вели наверх.

– Пришли.

Шрайн вздохнул с видимым облегчением, но бдительности не терял и следил за каждым шагом проводника – не доверял ублюдку. Гутап поднялся первым и несколько раз постучал с перерывами разной длительности – вероятно, то был сигнал. Дверь открылась, и в проеме возникла фигура с невнятными очертаниями.

Проводник перекинулся парой фраз с привратником в балахоне и повернулся к наемникам:

– Идите. Я буду ждать здесь.

Привратник отстранился, пропуская наемников. Когда дверь закрылась, Сотница обратилась к нему по-ваганийски:

– Куда дальше?

– За мной, – ответили ей из-под надвинутого на глаза капюшона. Голос принадлежал взрослому мужчине.

Их снова повели по лабиринту одинаково безликих коридоров, разве что здесь было суше и теплее. Наемница пыталась запомнить дорогу, но вскоре оставила эту затею – второпях и в почти полной темноте сделать это было невозможно.

Наконец они попали в большое помещение, похожее на часть жилой половины. Здесь были украшенные дорогими гобеленами и коврами стены, в нишах таились канделябры со свечами. Половину стены занимал большой камин. Напротив гостей за длинным прямоугольным столом из черного дерева расположился Заливар нар Данш. Увидев вошедших, ваганиец поднялся, изящным жестом откинул полы своего длинного одеяния назад и поприветствовал наемников:

– Добрались. Я уже начал беспокоиться.

Не спрашивая разрешения, Артанна отодвинула стул.

– Когда тебе понадобятся наши услуги?

Заливар жестом пригласил сесть остальных наемников.

– Завтра вечером.

– Быстро же ты все организовал. Рассказывай, что от нас требуется.

– Завтра состоится неофициальная встреча всех Шано. Обычная практика перед открытием сезона заседаний.

– И где же?

– Здесь.

– А это у нас что? – Артанна обвела рукой воздух вокруг себя.

– Моя резиденция. Имение Дома Данш.

Наемница удивленно приподняла брови:

– Так ты собираешься устроить резню в собственном доме?

– Свежая кровь легко отмывается холодной водой, – бесстрастно сказал Заливар. – Кроме того, от меня не ожидают подобных действий.

– Но ты все еще под подозрением?

– Да. Однако заговорщики считают, что я не опасен.

Артанна уставилась на Данша немигающим взглядом.

– Так каков план?

– Шано соберутся в западном крыле на первом этаже. Советники часто проводят собрания в атмосфере скрытности. Многим Младшим Домам очень не понравится новость о том, что некоторые решения принимаются еще до обсуждения с ними. Поэтому такие встречи часто проходят на территории одного из Старших Домов. Завтра – наш единственный шанс, поскольку в Валг дун Шано вы уже не сможете пробраться, и даже я не смогу помочь.

– Валг дун Шано? – переспросил Шрайн. – Это еще что такое?

– Так называется дворец, – пояснила Артанна. – То роскошное здание на холме, которое тебе так понравилось.

– А... – кивнул великан. – Ну да, его только штурмом брать.

Заливар махнул рукой, возвращая внимание наемников.

– Мы не можем позволить себе открытые действия, – с нажимом сказал он. – Поэтому все случится завтра. Пока все они соберутся у меня.

Артанна подняла глаза на советника:

– Надеюсь, ты уже придумал, как отбрехаться?

– Разумеется, – улыбнулся Заливар. – Во время тайной встречи на этот дом, якобы, нападут «Железные кольца».

Дачс икнул от неожиданности.

– Это что еще за черти? – хрипло спросил он.

– Группа крайне воинственных фанатиков. К сожалению, их последователи не так многочисленны, как хотелось бы. Впрочем, «Железные кольца» не имеют поддержки среди вагранийской аристократии – слишком грубые методы, да и к Шано у них целая вереница претензий. Несколько раз из уст их лидеров звучали открытые угрозы в адрес советников, чем я и намерен воспользоваться. Все подготовлено – в темнице уже томятся несколько пойманных «колец». Судить за нападение будут их.

– Ловко, – покачала головой Артанна. – Выходит, от нас требуется только завалиться в середине вашего разговора, аккуратно вырезать тех, на кого ты укажешь, и убраться обратно в наш сарай через потайной ход?

– Почти точно.

Сотница переглянулась с бойцами.

– Звучит просто. Но почему ты сам этого не сделаешь? – озвучила она вопрос, прочитанный в их глазах. – У тебя много бойцов – я сама видела часть твоей личной армии – дисциплинированных, хорошо вооруженных...

Данш понимающе кивнул.

– Согласен, они хороши. Но мои люди в этот момент будут заняты другим делом.

Молчавший на протяжении всей встречи Джерт пристально посмотрел на Заливара.

– Чем же? – тихо спросил он.

Советник снисходительно улыбнулся:

– Неужели ты думаешь, что советники придут без охраны? Немыслимо! На вас будет только зал собраний. Сопровождающих и прочих будут убирать мои воины – во дворе разразится настоящее побоище. Никто не должен уйти и поднять тревогу раньше времени. Но даже если кто-то и сбежит, это будет гораздо меньшей проблемой, чем недобитый Шано.

– Нам нужен план здания, – сказал Медяк.

– Конечно.

Вагранец взял заранее приготовленный рулон и развернул его на столе.

– Здесь находится дверь, ведущая к подземному ходу, – он указал пальцем на черточку в конце коридора. – Вы уже были там сегодня, и завтра вас тоже проводит мой человек. Вот по этому пути. – Палец Заливара прочертил линию вдоль нескольких коридоров и уперся в другую черточку. – Далее вы подниметесь по этой лестнице, повернете налево и пройдете в западное крыло. Людей и препятствий не будет. Зал находится вот здесь, – Советник ткнул пальцем на схематичное изображение квадратной комнаты.

– Я вижу здесь три выхода, – заметил Медяк.

– Два будут закрыты. Останется только основной. Вот этот – Заливар указал на дверь.

Артанна внимательнее всмотрелась в план.

– Что находится за другими дверями?

– Один ведет в несколько комнат поменьше. Другой позволяет быстрее добраться до жилых покоев. Оба вам не понадобятся.

– Как мы узнаем, кого не нужно убивать? – спросил Третий. – Нужны какие-нибудь опознавательные знаки.

– Нет, – покачал головой Заливар. – Это слишком очевидно. В центре комнаты поставят три стола, соединенных в виде треугольника. Советники, которые должны остаться в живых, будут сидеть за моим столом. Вот и весь знак.

– Как скажешь, – пожала плечами Артанна. – Если ты уверен, что сюрпризов не будет...

– Я сам не заинтересован в неприятных сюрпризах, – раздраженно отрезал ваграниц. – И предусмотрел все. Начинайте собираться сразу после наступления темноты. За вами придут.

– Ладно, – Артанна оторвала взгляд от чертежа и откинулась на спинку стула. – Предлагаю перейти к обсуждению награды.

– С ваграницей стороны вы получите тысячу имперских аурэ в валюте, которую выберете. Кроме того, – советник вытащил из-за пазухи свиток, – Имя Дома Толл будет реабилитировано. Указ готов. Осталось лишь добавить недостающие подписи, а это будет весьма просто после завтрашних событий.

– Отлично, – хлопнула в ладоши Артанна – никак не могла отделаться от этой гацонской привычки. – Я хочу видеть деньги.

Заливар тяжело вздохнул.

– Тебя заботят только деньги? Милостивый Хранитель, все наемники одинаковы. Даже если их глава – аристократка.

– Особенно, если их глава – аристократка, – улыбнулась Сотница.

Ваграниц кивнул на сундук в углу:

– Там ваше жалование, но оно останется здесь до завтрашней ночи. Сначала дело.

Артанна подошла к ларцу и с усилием откинула тяжелую крышку.

– Ну, хоть кто-то не наврал, – удовлетворенно сказала она и присвистнула, глядя на груды золотых монет. – До завтра.

3.2 Эллисдор

Полуразрушенный зал Святилища взволнованно гудел. Люди всех возрастов и профессий – наставники, знать, воины, торговцы, горожане и сервы – громко перешептывались, предвкусывая яркую проповедь. Брат Фастред аккуратно, но настойчиво продирался сквозь расшумевшуюся толпу, стараясь подобраться ближе к алтарю. После той трагедии собор так и не отстроили до конца: то ли у герцога не хватило денег, то ли правитель решил оставить все как есть в напоминание о том дне, когда он лишился возлюбленной, а Хайлигланд – королевы.

Фастред чуть не опоздал к началу службы, хотя едва не загнал коня. Настоятель обители Гнатия Смиренного близ Гайльбро сообщил новости слишком поздно – пришлось ехать, бросив все дела. Остановок не делал, только менял лошадей на постоянных дворах, благо божьим людям не отказывали.

В столицу Хайлигланда Фастреда привела отнюдь не прихоть – больших городов он не выносил, предпочитая коротать век в деревенской глуши. Даже Ульцфельд, что был вдвое меньше Эллисдора, лишал монаха покоя, давил толстыми стенами, шумом, грязными улицами и множеством грехов, отпустить которые иной раз не решился бы и сам Великий наставник.

Фастреда послали проверить правдивость слухов, дошедших до настоятеля его монастыря. Поговаривали, что Грегор Волдхард решил оспорить главенство Великого наставника, вывести герцогство из-под протектората империи и Эклузума, разрешить прихожанам молиться дома, а то и вовсе переписать Священную книгу на новый лад. Говорили даже, что герцог решил устроить Священный поход на собственные владения. Узнав обо всем этом, настоятель Хелирий запаниковал и пожелал знать больше.

Хелирий Фастреда одновременно и недолюбливал, и уважал. Как он неоднократно выражался, за недостаточную гибкость взглядов – принципов и обетов у монаха было больше, чем яблок в урожайный год. Однако честность и прямолинейность Фастреда сейчас могли принести пользу обители, ибо солгать и преувеличить мог кто угодно, но не он. И, ко всему почему, Фастред был братом-протектором, чьим оружием служила не столько молитва, сколько хорошо заточенный меч.

Монах плотнее запахнул обляпанный грязью дорожный плащ, скрыв оружие от любопытных взглядов. Взлохмаченные и мокрые от пота волосы он пригладил пятерней, а обветренное лицо, пересеченное старыми рубцами на подбородке и лбу, еще раньше умыл в колодце на площади.

У алтаря воцарилась такая давка, что Фастред не рискнул подходить ближе. Он выбрал место в длинной боковой нише возле статуи своего патрона Гнатия Смиренного и встал на одну из ступенек постамента.

Церковники сустились, верша последние приготовления. Фастред даже смог увидеть самого Грегора Волдхарда – герцог, высокий хмурый человек с холодными глазами, белыми как лунь коротко стриженными волосами и бледной, точно у утопленника, кожей, стоял в стороне от алтаря. С ним был невысокий волоокый мирянин с тяжелой канцлерской цепью на плечах – очевидно, барон Альдор, а рядом стоял печально известный монах по имени Аристид.

Еретик. Значит, молва не лгала и об этом.

Так говорил Хелирий, об этом писал Великий наставник. Фастред считал себя слишком простым человеком, чтобы выносить суждения о людях, которых не знал лично.

От размышлений его отвлек гимн, возвестив о начале службы. Фастред по привычке присоединился к пению, выводя рулады на безукоризненном антике, но быстро спохватился и запел тише, не желая привлекать к себе лишнего внимания.

Когда под сенью высоких сводов храма стихло последнее эхо песни, говорить вышел сам Грегор Волдхард. Чеканя шаг и восхищая собравшихся образцовой выправкой, он поднялся на высокую кафедру, осмотрелся с пару мгновений по сторонам и прогремел:

– Братья и сестры!

Не «дети», как обращались к народу наставники, а «братья и сестры» – так приветствовали друг друга равные по положению – будь то монахи или сервы из одной деревни. Фастред прищурился, пытаясь лучше разглядеть герцога.

Волдхард держался уверенно и говорил ровно, но отчего-то это вселяло лишь тревогу. За ледяным спокойствием в глазах герцога Фастред уловил ярость, готовую обрушиться на любую помеху, вознамерясь та встать на его пути. Что бы ни решил в этот день лорд Грегор, решение это было окончательным.

Возможно, опасения Хелирия вовсе не были беспочвенными.

– Крепкому миру между Хайлигландом и империей пришел конец, – сказал, точно рубанул топором, герцог. Рядом с Фастредом кто-то тихо ахнул. – Великий наставник и весь Эклузум отвернулись от наших земель и отлучили меня от церкви. В их глазах я больше не являюсь правителем. Они решили, что я не достоин ни любви Хранителя, ни любви народа.

– Да как же ж такое возможно? – прошамкал стоявший рядом с Фастредом старик. – Волдхарды правили Хайлигландом с самого его основания...

– И я считаю, что мой народ должен знать, почему Эклузум принял такое решение, – продолжил герцог, глядя куда-то вдаль. – Я нарушил клятву, – он обратил взор к статуе Ириталь Урданан – белый мрамор на фоне горелых стен и битых витражей смотрелся жутковато. – Все вы помните леди Ириталь. Эту женщину здесь любили не меньше, чем мою сестру Рейнхильду.

Столпившиеся вокруг Фастреда люди закивали.

– Храни Гилленай ее душу!

Герцог поднял руку и знаком попросил тишины.

– Леди Ириталь была обещана в жены следующему императору, и я обязался защищать ее честь в своих землях. Однако я нарушил клятву, ибо полюбил эту женщину. А она полюбила меня, – Волдхард сделал короткую паузу. – Эклузум нам этого не простил. Все вы знаете, что случилось в стенах этого храма.

По вытянутому залу прошел тихий ропот. Фастред огляделся по сторонам. К его удивлению, подданных, казалось, не взволновал факт нарушения клятвы – они лишь напряженно слушали рассказ герцога. Таков был народ Хайлигланда – скорые выводы делать не любил, обстоятельно взвешивал каждое слово и лишь затем принимал решение.

Лорд Грегор тем временем снял с шеи подвеску в виде серебряного диска и вытянул руку перед собой – так, чтобы этот жест видел каждый.

– Я раскаиваюсь за содеянное и приму наказание, подобающее тяжести моего проступка. Пройду босиком в рубище от Эллисдора до Ульцфельда, если на то будет воля Хранителя. Раздам все имущество беднякам и больным, коих в наших землях в избытке. Но держать ответ за содеянное я буду только перед своими подданными, а не перед кучкой столичных церковников. Только вы, знающие своего правителя, можете меня судить!

Передние ряды, занятые аристократией и церковниками, молчали. Однако простолюдины одобрительно загудели. Привалившийся к колонне рядом с Фастредом старик в коричневом шапероне энергично закивал.

– Неужто лорд башковитый попался? – прокричал он. – Видит бог, в отца пошел. Правильно. Неча этим сыроедам зариться на нашенское.

Монах рассеянно кивнул, выражая согласие.

– Я не деспот и не тиран! Не по моей прихоти Криасморский союз трещит по швам! Не мои грехи низвергли Эклузум в пучину порока и стяжательства! – герцог снова надел медальон и махнул рукой барону – тот посторонился, пропуская совсем молодую девушку с косами пше-

ничного цвета. Фастреду она показалась смутно знакомой. – Недавно ко мне пришла жительница деревни Гайльбро, что находится на юге, близ монастыря Гнатия Смиренного. Она просила моей помощи, рассказала об ужасах и несправедливости, творящихся на моей земле, о которых я и понятия не имел. Я хочу, чтобы вы сами выслушали ее, – Грегор поманил к себе девушку. – Эльга, прошу, расскажи этим людям все, что поведала мне.

Когда она поднялась на кафедру и встала подле герцога, Фастред ее вспомнил. Девчонка действительно жила в Гайльбро и была дочерью старосты. Монах помнил, что она много раз приходила в монастырь ругаться с настоятелем – неслыханная дерзость. Фастред на этих встречах не присутствовал и не знал, с чем был связан конфликт. Сам он в Гайльбро выбирался редко, но его собратья в деревню наведывались довольно часто. Несколько раз, как монах внезапно припомнил, туда отправляли целые отряды. Однако настоятель перед Фастредом не отчитывался, а вернувшиеся подробностями не делились.

Впрочем, когда Эльга начала рассказ, он все понял.

Суровую правду принять было нелегко – та обрушилась на него, словно обух. В голове грохотали угрозы, которыми настоятель Хелирий, со слов девчушки, буквально засыпал жителей деревни. Дочь старосты лгать не стала бы – ее слова можно было легко проверить. И Фастред не сомневался, что на этот раз правда оказалась на стороне жителей Гайльбро.

Впервые за годы, прошедшие со времен последнего похода на Спорные земли, он ощутил ярость. Поздно заметил, как сжал до побелевших костяшек рукоять своего меча, и торопливо одернул руку от пояса. Сердиться Фастред мог лишь на самого себя: столько лет прожить в обители и не замечать таких вещей! Впрочем, он не сомневался, что во многие дела Хелирий не посвящал его намеренно – опасно распускать язык перед известным правдорубом.

Стоявший рядом старик поправил грязный шаперон и укоризненно покачал головой:

– И ведь монахи... Монахи! Не разбойники или еще какие гагонские головорезы, а люди, что должны хлопотать за нас перед самым Хранителем! Кто же тогда будет их грехи отмаливать?

Фастред признал, что уже и сам не знал ответа на этот вопрос.

Закончив рассказ, девушка торопливо спустилась с кафедры и спряталась за спиной эрцканцлера. Герцог расставил руки по краям кафедры и подался вперед, внимательно заглядывая в глаза каждому, с кем встречался взглядом.

– Теперь вы понимаете, что творится, добрые люди Хайлигланда! Как доверять монахам, которые думают лишь о преумножении собственного богатства, а не о боге? И эти змеи в обличии праведников подчиняются не мне, не императору, а Эклузуму! Прохвосту Ладарию, который ест с золотых тарелок, пьет дорогое вино и творит бог знает какое еще непотребство, пока мы здесь проливаем пот и кровь за союз! Пока ваши мужья и сыновья гибнут от рук рундских варваров!

Наконец-то зал по-настоящему зароптал. Возмущенные реплики все чаще долетали до ушей Фастреда. Монах плотнее запахнул плащ, опасаясь, что его раскроют.

– Если бы только это! – проревел Волдхард. – Великий наставник предложил мне сделку. Сулил прощение в обмен на жизнь смиренного праведника, – герцог показал на еретика Аристида. – Человека, спасшего жизнь леди Ириталь. Монаха, применявшего все свои знания во спасение людей. Ученого, задававшего слишком много вопросов Эклузуму, и за это приговоренного к смерти. Но за что же именно? За то, что не замарал себя грехом стяжательства? За то, что думал о людях?

– Что он сделал, ваша светлость? – выкрикнул кто-то из толпы.

– Ничего, за что следовало бы казнить, – ответил герцог. – Брат Аристид хотел вынести веру из золоченых храмов к людям! Перевел Священную книгу, чтобы ее могли читать не только в стенах Святилищ! И какова была награда за его труды? Эклузум сжег его переводы! Он боролся за то, чтобы вы могли обращаться к Хранителю без вездесущего взгляда наставников!

И что в ответ? Эклузум клеймит его еретиком и злодеем, хочет его смерти. Но Хранитель спас его от гибели! И теперь я знаю, зачем – чтобы вы услышали правду. Чтобы знали, кто борется за ваши души, а кто – за кошельки!

Прихожане закивали:

– Герцог дело же говорит!

– Верно-верно! И так ничего не поспеть, а когда грехи отмаливать?

– Долой антик! Негоже живым говорить на мертвом языке!

Грегор широко улыбнулся. Впервые за все выступление.

– Я тоже так считаю, – сказал он.

Фастреда передернуло. Он разговаривал с теми, кто читал труды Аристиды, и долго размышлял над аргументами еретика. То, что проповедовал этот монах, гораздо лучше подходило реалиям северной жизни. Фастред даже допускал, что некоторые из размышлений еретика были весьма занимательны и, возможно, даже перспективны. Но Фастред никогда и никому не говорил об этом – он был правдорубом, но не идиотом. Ибо идиоты, облитые толстым слоем смолы, имели обыкновение очень ярко гореть.

– Я изучил труды брата Аристиды и согласен с его изложением принципов веры, – заявил Волдхард. – Как бывший воспитанник Ордена, я знаю, о чем говорю. Как правитель Хайлигланда, я считаю своим долгом очистить нашу землю от каждого, кто посмеет пятнать имя Хранителя позорными поступками. Сегодня я, Грегор Волдхард, лорд Эллисдора и герцог Хайлигланда, объявляю Священный поход на свои земли. Я верну этой несчастной стране божью милость. И начну я с Гайльбро и обители Гнатия Смиренного.

Простолюдины взревели в экстазе. Брат Фастред, бледный как полотно, аккуратно спустился с постамента и начал осторожно продвигаться к выходу.

– Мы прекращаем соблюдать условия Криасморского договора. Мы больше не признаем власти Эклузума, – шум практически заглушал голос герцога, но Фастреду его слышать было не обязательно – он и так узнал все, что хотел. – Отныне Хайлигланд независим. Я верну ему бывшее величие, – заключил герцог. – Хватит с нас подачек восточных лордов! Этот союз не принес нам ничего, кроме вреда.

Продираясь сквозь экзальтированную толпу к выходу, Фастред не видел, как в следующий момент Грегор Волдхард вытащил из ножен фамильный меч и встал на колени перед статуей леди Ириталь.

– Я, Грегор Волдхард, клянусь перед богом и своим народом очистить каждый клочок этой земли от тлетворного зловония империи. Я обещаю принести мир своей стране, пусть даже ради этого мне придется пролить кровь. Я снова сделаю Хайлигланд независимым королевством, – произнес последние слова клятвы, герцог поднялся на ноги и развернулся к застывшим с разинутыми ртами подданным. – Благословляете ли вы меня на это? Пойдете ли за мной, благочестивые жители Хайлигланда?

Ответом ему послужил одобрителный рев – столь громкий, что от этого жуткого хора затряслись каменные стены древнего храма. Церковники и аристократы молчали. Но до них взбесившейся черни дела не было. Люди славили герцога и угрожающе потрясали кулаками. Кто-то тут же принялся жарко молиться за здоровье Волдхарда.

Всего этого брат Фастред уже не слышал. Он дрожащими руками запрягал коня, торопясь в Гайльбро.

3.3 Рантай-Толл

Дачса с троими из его десятки Артанна оставила в сарае, откуда начинался подземный ход. Еще двое заняли посты возле первой лестницы – судя по чертежам, служившей входом в имение Данша. Там наемников встретил уже знакомый им привратник с неизменной лампой в руках. Человек, так и не назвавший своего имени, недовольно скривился, когда Сотница отдала распоряжение двум бойцам оставаться на страже. Гутах, как и в прошлый раз, дальше не пошел.

Теперь их осталось четырнадцать. Этого все еще должно было хватить, чтобы расправиться с семьей безоружными. Если они в действительности были безоружны. Имея отчетливое представление о порядках, царивших в вагранийском обществе, Артанна сомневалась, что кто-нибудь из советников не приготовил парочку неприятных сюрпризов. Своими опасениями она еще раньше поделилась с бойцами, и те постарались подготовиться к неожиданностям.

Но их опыт подсказывал, что всего предусмотреть невозможно.

Двигаясь почти бесшумно, наемники прошли по лабиринту коридоров, поднялись по лестнице и уперлись в еще одну дверь. Здесь Артанна оставила Шенко – хмурого крепко сбитого бойца из десятки Дачса. В бой этот наемник тоже не рвался и безропотно согласился немного поскучать. Дальше, за несколько шагов до заветной двери зала, где собрались Шано, Сотница приказала Белобрысому Сирду караулить снаружи.

Сотница приложила ухо к двери.

– Голоса. Много. Спорят.

– Пора, – Фестер вытащил свой любимый длинный тесак и нежно прикоснулся к лезвию.

– Ханк идет к западной двери. Джерт – к восточной. Боргильд и Гуннар остаются у главной. Дальше – по обстоятельствам. Остальные, – Артанна тяжело вздохнула и посмотрела на наемников, – выберите себе по одной жертве. Никого за столом Данша не трогать.

Воины извлекли оружие. Было тихо – лишь из-за двери зала доносились голоса. На протяжении всего пути по подвалам квартала наемники не встретили никого, кроме немногословного привратника, да и тот поспешил убраться подальше от грядущей кровавой бани. И правильно сделал. Любоваться там будет нечем.

Заливар сдержал обещание и избавился от лишних ушей. Артанне оставалось лишь выполнить свою часть сделки. Сделав глубокий вдох, она по привычке прикоснулась к камню на своем браслете и резко потянула дверь на себя.

– С богом, – выдохнул за ее спиной Эсбен.

Вошли быстро. Молодой вагранец в длинной малиновой тунике и с забранными в затейливую косу волосами не успел договорить, когда Джерт и Ханк очутились на своих местах возле западной и восточной дверей. Артанна пропустила вперед Шрайна, вполне способного заменить собой таран, Фестера, натянувшего мерзейший из оскалов, настороженных Йона и Херлифа. Наемники рассыпались по периметру зала. Вслед за Артанной в зал вбежал Эсбен. Последними вошли Боргильд и Гуннар, караулившие выход. Близнецы Эйльве и Ове остались сторожить снаружи.

– А вот и гостя, без участия которой это заседание было бы неполным, – с радушной улыбкой проговорил Заливар, поднимаясь из-за стола. Рядом с ним расположились еще трое вагранийцев – этих было сказано не трогать. – Разрешите представить вам Артанну из Дома Толл. Возможно, некоторые ее даже помнят.

Сотница на ходу вытащила второй клинок, кивнула Заливару и сделала несколько медленных шагов.

– Знакомство будет кратким, – мрачно сказала она.

– Дочь Гириштана? – воскликнул один из советников. – Неужели...

Шано повскакивали со своих мест. Один из них – великовозрастный советник, облаченный в подбитую мехом мантию, кряхтя приподнялся и, шуря глаза, уставился на Артанну.

– Она, я помню, – прошелестел он. – Высокая, хорошенькая... Была в юности.

– Что все это значит? – спросил Шано в малиновом. – Заливар, объяснись.

Наемница склонила голову на бок, наблюдая за реакцией советников.

– Да, Заливар. Расскажи им.

Артанна с удовлетворением отметила, что, пока они с вагранийцем тянули время, каждый боец успел занять позицию в шаге от своей будущей жертвы – как они и планировали. Одна команда, один короткий приказ – и все закончится. Заливар вышел из-за стола, игнорируя испуганные взгляды, метавшиеся между ним и Артанной.

– Перед вами – глава Дома Толл. Она пришла мстить за убитых родственников. Покажи им, Артанна.

Убрав один клинок в ножны, Сотница зубами поддела перчатку и продемонстрировала изрезанную старыми шрамами руку, на которой красовался браслет с синим камнем. Кто-то охнул, узрев священный символ власти.

– Гириштан обманул всех вас. Хитрец успел передать ей права прежде, чем вы его обвинили, – с победной улыбкой возвестил Заливар. – О ней вы просто не подумали, так? Смирились с бегством девчонки в Хайлигланд и благополучно забыли, когда поняли, что она не собирается возвращаться. Неужели никого из вас не смутило, что ни у одного из сыновей не было браслета?

– Гириштан сказал, что спрятал его, дабы мы не смогли открыть... – припомнил старик. – И не выдал, куда.

– Да он бы что угодно вам сказал, лишь бы выгородить ее! – рявкнул Данш. – Что может быть сильнее родительской любви, глупцы?

– Довольно, Заливар, – прервала его Артанна. – Мы не болтать сюда пришли. Дай нам закончить и уйти.

Она медленно скользила взглядом по перекошенным от испуга и отчаяния лицам, заглядывала в округлившиеся глаза вагранийцев... И не чувствовала ничего, кроме навалившейся усталости. Артанна ожидала от себя ликования, наслаждения запоздалой мстостью... Облегчения, наконец.

Ничего этого не было. Лишь ноющая пустота в душе, которую раньше можно было залить крепкой настойкой или заполнить дурманом паштары.

Зачем она сюда вернулась? Был ли смысл цепляться за подарок отца, эту глупую безделушку – символ власти, от которого не было проку за пределами Вагранийского хребта? По обе стороны этих хмурых гор она все равно оставалась чужачкой – ни здесь, ни там ее уже не приняли бы. Артанна слишком давно покинула отчий дом, а теперь вернулась – но как убийца. Зачем ей это? Что даст? Только суету, лишения, грязь, еще одно мокрое дело и очередной груз на душе, который на этот раз – она знала – в вине утопить не удастся. Быть может, Ганцо не так уж сильно ошибался, предлагая ей перебраться в Эннию.

Как бы то ни было, наступило время заканчивать.

Одетая в нарядное многослойное платье вагранийка испуганно уставилась на нависшего над ней Фестера.

– Зачем? Зачем? Мой Дом не поддерживал... Дом Тошвег никогда не... Ведь ты же сам...

Заливар в два шага оказался возле советницы и наотмашь ударил ее по лицу, заставив замолчать. Голова ее дернулась, и вагранийка инстинктивно прикоснулась к раненой щеке.

– Убей ее, – приказал Данш Фестеру. – Сейчас же!

Дважды просить не пришлось. Один из немногих бойцов «Сотни», действительно испытывавший удовольствие от кровопролития, намотал длинные косы женщины на руку и сделал аккуратный надрез поперек горла. Заливар молча наблюдал, как тело сползло на стул. Прежде

чем истекавший кровью труп ваграницы успел упасть, Данш грубо схватил ее руку и сдернул браслет – с таким же, как у него и Артанны, синим камнем. Только теперь наемница заметила, что подобными украшениями владели все советники, кроме одного – представителя Младшего Дома Ройтш.

– До чего вы докатились? – Заливар брезгливо вытер попавшую на рукав кровь подолом платья убитой и обернулся к ошарашенным Шано. – Потеряли бдительность! Разжирели на плодах трудов Руфала, не привнеся ничего своего. Все это время вы только пользовались благами, которые он оставил своему народу, при этом понося на каждом публичном выступлении человека, которому обязаны всем! Позор! Ваг Ран слабеет, мы вырождаемся, наша сила уходит, а вы лишь думаете о том, как выторговать у чужаков побольше пряностей да вина. Унижительно!

– Кажется, больше нет смысла медлить? – предположила Сотница, прервав пылкий монолог нанимателя.

Заливар поднял на нее искаженное гримасой непритворной боли лицо.

– Верши свою месть, Артанна нар Толл, – тихо сказал он. – Да будет так.

3.4 Миссолен

– Дело сделано? – Демос отложил перо и обратил взор на вошедшую в его покои Лахель. Телохранительница стащила с плеч дорожный плащ.

– Документы покинули столицу, – отчиталась она. – Лорд-протектор Анси лично увез их в свой родовой замок. Церковники до них не доберутся.

«Еще бы. Трудно найти менее расположенного к Ладарию человека, чем новый лорд-протектор».

– Кто-нибудь видел вас?

– Нет, господин, – ответила Лахель и, угадав немой вопрос в глазах Демоса, поспешила уточнить. – Даже Ихраз не знает.

– Так должно быть и впредь.

– Как вам будет угодно.

Канцлер поднялся, хрустнул затекшей шеей и сделал несколько нетвердых шагов.

– Стойте, господин! – угадав его намерение, телохранительница отряхнула бархатную обивку от пыли. – Теперь можно.

– Спасибо, милая, – хрипло ответил Демос. – Раз уж ты здесь, накапай мне той эннийской отравы от мигрени, пожалуйста. Но отмерь как следует, молю! Я едва не отдал богам душу в прошлый раз.

Лахель кивнула, и канцлер, сидевший с закрытыми глазами, не мог видеть, как поникли ее плечи. Она внимательно отсчитала семь капель – этого должно было хватить, чтобы унять начавшийся приступ.

– Прошу, – эннийка подала снадобье, и Демос, скривившись, выпил его залпом.

Вскоре он забился в судорогах. Лахель вытащила стеклянный стакан из его скрюченных пальцев и вцепилась в слабые костлявые плечи, предостерегая Демоса от падения. Еще через несколько мгновений он затих, и его тело обмякло. Телохранительница сняла с головы цветастый платок и аккуратно вытерла слюни, свисавшие с подбородка своего господина.

Это происходило каждый проклятый день, одно и то же, и она ничего не могла изменить.

Самый влиятельный мирянин империи был беспомощен, как дряхлый старик, а вокруг него было слишком много желающих этим воспользоваться. Знай они об этом слабом месте...

Лахель прерывисто вздохнула, благодаря всех богов за то, что смогла остаться наедине с Демосом. Она не могла показать слабость перед Ихразом – вряд ли он понял бы.

Ощущение собственного бессилия болезненно ныло у нее в груди. Лахель могла защитить своего господина от стрел и копий, мечей и кинжалов, иных ядов и злых языков. Но этот недуг, что с каждым днем становился лишь мучительнее, победить была не в силах.

Зато она была вполне способна дать ему кое-что иное.

Лахель осторожно прикоснулась к изуродованной щеке канцлера, и, испугавшись собственного жеста, отдернула руку. Обычно после этого снадобья Демос какое-то время находился в беспамятстве. Этого должно было хватить, чтобы приготовить ему маленький сюрприз.

* * *

С огромным усилием Демос открыл глаза и тут же пожалел о содеянном. Во всем кабинете горел только один канделябр, но даже этот свет ослеплял.

– Черт...

Канцлер снова сомкнул веки и решил не шевелиться. Впрочем, сил на это все равно не было. Он утонул в заботливо подоткнутых под спину подушках, ноги прикрывало тонкое одеяло – сколь бы лютой ни была жара в летнем Миссолене, от этого эннийского снадобья его

знобило в любую погоду. Руки покрылись мурашками, каждый волосок на теле встал дыбом. Мысленно проклиная собственную беспомощность, канцлер с усилием натянул одеяло до подбородка и замер, ожидая возвращения сил.

Наконец, почувствовав в себе достаточно жизни, он снова открыл глаза. Лахель сидела напротив, устроившись в кресле прямо с ногами. Шарфа на ней не было, и Демос увидел, как свечное пламя плясало в темных узких глазах телохранительницы, кидало блики на гладкую смуглую щеку, мерцало на опутанной ремешками и серебряными бусинками толстой черной косе.

На коленях женщины лежал обнаженный ятаган.

– С возвращением, господин, – тихо поприветствовала Лахель. – Воды?

– Будь любезна, – севшим голосом попросил канцлер. Горло раздирала сухость.

Стоило эннийке отвернуться, как Демос полез в карман за паштарой. Но внезапно передумал.

«Что будет, если я попробую воздержаться от нее хотя бы на вечер? Уверен, ничего хорошего, но вдруг...»

Выпив воды, канцлер поднялся и, шатаясь, подошел к умывальнику. Лахель, безмолвная и спокойная, продолжала неподвижно сидеть на своем посту возле кушетки. Наконец, когда Демос покончил с водными процедурами и переоделся, с удовольствием стащив с себя пропитавшуюся холодным потом тунику, эннийка заерзала в кресле.

«Ихраз и Лахель могут передвигаться совершенно бесшумно, я знаю. Порой мне начинает казаться, что они специально издают лишние звуки, чтобы не пугать меня. Как мило с их стороны не доводить господина до сердечного разрыва внезапными появлениями».

Демос заворчал, пытаясь справиться с застежкой пояса. Наконец, когда пряжка поддавалась, он вздохнул с облегчением и обернулся.

Лахель смотрела прямо на него, и значение этого взгляда он прочитать не смог.

«Что случилось?»

Женщина медленно покинула кресло и легкой походкой направилась к нему. Ятаган она оставила на кресле, но Демос не сомневался, что даже без этого оружия Лахель смогла бы прикончить всякого в этой комнате десятком различных способов.

«Несколько ножей и кинжалов, пара стилетов, гацонская гаррота, ядовитые эннийские порошки...»

– В чем дело? – голос канцлера не дрогнул, но прозвучал напряженно.

«Главный недостаток сотрудничества с эннийцами – невозможность понять их истинные намерения. У гацонца все мысли будут написаны на лбу. Эннийцы же не покажут ничего, кроме маски безмятежного спокойствия».

Телохранительница подошла к Демосу и остановилась на расстоянии шага. Одна ее рука была на виду, другая – спрятана за спиной.

– Ну же, Лахель, – раздраженно проговорил Деватон. – Это уже не смешно.

Вместо ответа женщина опустила на колени. Из-за спины она вытащила предмет, внешне напоминавший трость, и почтительно подала его Демосу.

– Простите, если заставила нервничать, господин, – потупив взор, сказала женщина.

Канцлер рассматривал трость – блестящее темное дерево, строгий серебряный набалдашник с чернением – несомненно, выполненный умелым мастером – дорогая и элегантная вещь.

«Ничего лишнего, как я и люблю».

– Это...

– Мой подарок на вашу предстоящую свадьбу, – Лахель повернула серебряный набалдашник и продемонстрировала клинок. – Меч-трость. Понимаю, еще не время для даров, но мне будет гораздо спокойнее, если он появится у вас как можно раньше.

Демос с почтением принял подарок и провел ладонью по гладкому дереву. В руках новая трость лежала изумительно удобно, а пальцы уверенно смыкались на рукояти-набалдашнике. Следуя примеру Лахель, канцлер аккуратно повернул наверх и обнажил узкий клинок.

«Прекрасная работа. Хочешь – коли, хочешь – режь. Не назвать серьезным оружием, но может оказаться очень кстати как последний довод. Сколько лет я не фехтовал? Десять? Как бы не опозориться, случись оказия».

– Клеймо Ванфари, – восхитился канцлер. – Лахель, это же баснословно дорогая вещь!

– Вы хорошо мне платите, – откликнулась эннийка. – Ванфари – единственный мастер, чьи работы достойны вас. Лучшее для лучшего.

Демос резким движением вернул клинок в ножны и подал руку телохранительнице:

– Прошу тебя, поднимись с колен. Ты же не в Эннии.

«Когда же я выбью из тебя эти рабские привычки?»

Лахель послушно выпрямилась.

– Спасибо, – Демос мягко сжал пальцы телохранительницы – редкое и оттого еще более ценное проявление чувств, которые он обычно скрывал. – Я тронут.

– Вам понравилось?

– Спрашиваешь? – усмехнулся канцлер и нежно погладил отполированное дерево. – Прекрасная вещь! Вряд ли я сам смог бы выбрать более подходящую.

Лахель улыбнулась, обнажив ряд ровных белых зубов.

– Остается лишь молить мертвых богов, чтобы вам никогда не пришлось пускать ее в ход.

3.5 Рантай-Толл

Советники сопротивлялись. Кто-то из Шано путался в складках одеяний в поисках припрятанных кинжалов – попытки защититься были тщетны и оттягивали момент смерти лишь на несколько мгновений.

Старик с длинной косищей, по иронии оказавшийся жертвой уже немолодого Шрайна, принялся пятиться, но уперся спиной в стену.

– Ради милости Хранителя...

– Прости, мужик, – по-простецки ответил великан. – Таков приказ.

Третий вогнал меч в его незащищенную грудь с такой силой, что лезвие прошло насквозь и неприятно царапнуло кусок каменной кладки. Пригвожденный Шано осел с хрипами, немного подергался в конвульсиях, побулькал, а затем стих навеки. Шраин молча вытащил меч и бережно уложил тело на пол – покойнику, конечно, уже все равно, но приличиями пренебрегать не стоило.

В этом был весь Малыш Шраин – порядочный человек, умудрившийся выбрать одну из самых омерзительных профессий. Светлее его жизнь от таких вспышек добродетели не становилась, но совесть, как он сам утверждал, грызла чуть меньше.

Джерт видел, как упали еще несколько тел. Крови было до того много, что даже Медяк почувствовал металлический привкус на языке. Белые, черные, бедняки и богачи – кровь у всех красная, а кишки – неизменно скользкие. У смерти было множество лиц, но она всегда одинаково смердела. Ее запах уже начинал мерещиться эннийцу на пустом месте – казалось бы, за столько лет пора уже перестать замечать подобные мелочи, но Джерт почему-то все еще не мог к этому привыкнуть.

Пока Артанна молча наблюдала за свершением запоздалого возмездия, четверо Шано, включая Заливара нар Данша, хранили безмолвие. Затем Джерт увидел, что они перебросились несколькими короткими фразами, покивали друг другу и с невозмутимым видом, словно чистили рыбу, принялись снимать символы власти с рук трупов. Странные ребята. Сколько бы дерьма ни повидал человек за жизнь, такая резня все равно должна была взбудоражить неподготовленного человека. Выходило, что эти трое заранее знали о планах Заливара. А ведь Шано говорил, что другие были не в курсе.

Медяк караулил свою дверь, за которой пока что было спокойно. Заперто было изнутри. От нечего делать он достал отмычку и принялся ковырять в замке – какая-никакая, а практика, да и бойцы «Сотни» управились с ошеломленными и беспомощными советниками без особых проблем. Все прошло на удивление гладко.

Именно это и беспокоило.

Если что-то слишком четко идет по плану, то вовсе не обязательно потому, что план хорош. Вполне возможно, ты просто не в курсе некоторых деталей этого замысла.

Джерт сюрпризов не любил и потому на всякий случай вскрыл замок. На удачу Медяка, ниша, в которой располагалась дверь, порученная его бдению, пряталась за несколькими вазами и внушительных размеров шкафом с дорогими безделушками. Одну из них, резную статуэтку из камня, энниец также прикарманил – на всякий случай. Справившись с замком, он аккуратно приоткрыл створку и осторожно высунулся.

Узкий, плохо освещенный коридор пустовал, пахло смолой и тянуло свежим воздухом – значит, где-то неподалеку располагался выход на улицу. Еще одна полезная новость. Однако тишина, внезапно повисшая в зале, заставила Джерта втиснуться обратно. Дверь он, впрочем, плотно закрывать не стал.

Медяк осторожно выглянул из-за стены, прячась от лишних глаз. В живых остались только четверо советников во главе с Заливаром. Наемники оттерли оружие от крови и вернули клинки в ножны.

– Ну, вот и все, – тихо сказала Артанна.

Советник покачал головой, равнодушно осматривая итоги резни.

– Не совсем.

Дверь, которую караулил Ханк, распахнулась, сбив его с ног. Он отлетел к стене и, должно быть, сильно приложился головой, не успев выхватить оружие. В зал вбежали люди с опознавательными знаками Дома Данш – такие же носили конвоиры, сопровождавшие караван гагонского купца. Жерт насчитал два десятка, и они все продолжали прибывать. Он попытался восстановить в памяти план здания и комнат, в которые вела западная дверь. Там отсутствовали выходы на улицу и какие-либо лестницы – просто ряд изолированных помещений. Означало все это только одно: воины Данша оказались там еще до начала встречи. А это, в свою очередь, приводило к одному выводу.

Ловушка.

Словно в подтверждение опасений Жерта, распахнулись и основные двери, через которые ранее заходили сами наемники. Боргильда и Гуннара смела толпа заполнивших зал воинов. Энниец увидел, как оба бойца Артанны осели, захлебываясь собственной кровью.

Сотница резко обернулась, не зная, на кого смотреть – на Заливара, на дверь, где без сознания валялся Ханк, или на заблокированный выход, возле которого растекалась свежая лужа крови, и трясся в агонии Гуннар. Боргильд был мертв – Медяку еще не приходилось встречать человека, способного выжить после того, как ему насквозь проткнули солнечное сплетение.

Через пару мгновений стих и Гуннар.

– Вот как, значит? – мрачно усмехнувшись, Артанна подняла глаза на Заливара.

– Прости. Так нужно.

Шраин с тихим шорохом вытащил меч.

– Чужими руками, значит? А как же «Железные кольца» и иже с ними?

– Нет больше никаких «Железных колец». Они уже никого не беспокоят – я разобрался с ними несколько раньше.

– Предлог. Впрочем, не удивительно, – пожала плечами Артанна. – Ты мог скормить нам любую ложь, и нам пришлось бы в нее поверить.

Ваграницец кивнул.

– Именно. Мне нужно было придумать гладкую историю.

– Я выполняю приказ Волдхарда. Ему и вешай лапшу на уши.

Заливар покачал головой, продолжая смотреть наемнице в глаза.

– Уже развесил, не переживай, – ответил он. – Мне действительно жаль, но другого выхода нет.

Третий выступил вперед, закрывая собой Артанну.

– Мы не сдадимся без боя, – пробасил он, поднимая клинок. Понимал, к чему шло дело.

Советник вздохнул и подошел ближе к великану.

– Не сомневаюсь. Но вот незадача – из всей вашей разношерстной братии шразов живой мне нужна разве что Сотница: показательная казнь будет выглядеть более убедительно, чем все ваши облитые смолой головы на пиках.

Малыш нахмурился, отчего его морщинистое лицо стало похоже на изрезанный рундскими письменами камень. Неожиданно Артанна громко расхохоталась.

– Что смешного? – Заливар недоумевающе посмотрел на Сотницу.

Успокоившись, наемница вытерла рукавом навернувшиеся от смеха слезы.

– Как же складно получается, – сказала, она, выглянув из-за плеча Третьего.

– Ну, разумеется. Я же говорил, что предусмотрел все.

Малыш исподлобья уставился на ваграницца и крепче перехватил рукоять меча.

– Это мы еще посмотрим.

В следующий момент Шрайн замахнулся, намереваясь нанести рубящий удар. Но едва он сделал шаг, как Заливар вскинул руку, и великан резко остановился, а затем мучительно захрипел. Оружие – длинный меч, достойный лапы великана, подрагивая, застыл в воздухе. Артанна отпрянула назад и непонимающе уставилась на наемника. Лицо Малыша начало медленно синеть; пальцы, державшие огромный клинок, задрожали и, не выдержав, разжались. Звонко лязгнула сталь, коснувшись каменного пола, а затем рухнул и сам Шрайн, хватая себя за горло, словно пытался оторвать чьи-то невидимые руки со своей шеи. Скоро он замолчал, а раздувшееся синее лицо разгладилось и обмякло.

* * *

Едва ли не единственное преимущество, доставшееся в наследство Артанне – знание и возможность распознать колдовство. Опасения начали сбываться.

– Твою мать, Малыш, – прошептала Артанна, страшаясь правды, которую увидела.

Разумеется, она еще с детства слышала легенды о том, что первые Шано победили Руфала, пользуясь каким-то особым благословением. Могла бы и догадаться, что это были за таланты. Артанна ругнулась на саму себя – следовало пораскинуть мозгами и вспомнить, что такие вещи имели свойство передаваться по наследству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.